

ОТ АВТОРА БЕСТСЕЛЛЕРА
«СОТНИК ИЗ БУДУЩЕГО»

АНДРЕЙ БУЛЫЧЕВ

ВАШЕ
БЛАГОРОДИЕ

ЕГЕРЬ ИМПЕРАТРИЦЫ

2

Егерь Императрицы

Андрей Булычев

**Егерь Императрицы.
Ваше Благородие**

«Автор»

2021

Булычев А.

Егерь Императрицы. Ваше Благородие / А. Булычев — «Автор»,
2021 — (Егерь Императрицы)

1770 год в Бессарабии и Валахии гремит фузейными и пушечными залпами. На Придунайской низменности сошлись в яростном противостоянии армии Османской и Российской империй. Унтер-офицер Апшеронского пехотного полка Егоров Алексей прошёл через Кагульское сражение, осаду и взятие Бендерской крепости. Он уже не тот приписной «сержантишка», ожидающийся своего совершеннолетия в батюшкиным поместье, а боевой «унтер Лёшка» не раз уже смотревший смерти в глаза. За его спиной команда из стрелков егерей, а в руках верный и надёжный отцовский штуцер. И остался только лишь один шаг до получения своего первого офицерского чина - прапорщика.

© Булычев А., 2021

© Автор, 2021

Содержание

Часть I. Ваше благородие!	5
Глава 1. Господин прапорщик	5
Глава 2. Отдельная особая команда егерей	8
Глава 3. Меняла	14
Глава 4. В «Зажаренном ягнёнке»	18
Глава 5. Три штуцера	23
Глава 6. Подготовка к выходу	31
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Андрей Булычев

Егерь Императрицы. Ваше Благородие¹

Часть I. Ваше благородие!

Глава 1. Господин прапорщик

– Братцы! Нам дано четыре часа на приведение себя в божеский вид, – стоя пред командой, объяснял своим егерям обстановку Лёшка. – Вычистить всё как следует, подшиться в аккурат и самим хорошо вымыться, так прифрантиться, как будто бы вы к принятию присяги сейчас готовитесь. Сам наш командующий, его сиятельство Пётр Ляксандрович, будет нас нонче проверять! А особенно как ты эти свои букли и косу у парика накрутил, да потом ещё опосля напудрил, Федька. Так что смотри у меня, попадёт всем, если ему вдруг чего не понравится!

Через четыре часа строй из пятнадцати егерей стоял на центральной площади Бухареста перед зданием штаба армии. И сбоку от него стоял унтер-офицер егерской команды Апшеронского пехотного полка, старший сержант Егоров Алексей. Или как его звали ещё совсем недавно промеж себя свои обер-офицеры полка, эдак по-свойски и по-простецки, коротко – «наш унтер Лёшка!»

– Алексей, сам будешь представлять всю команду, – бросил ему на бегу прапорщик Милюткин, тот, что был с егерями в последнем выходе, и чуть потеснив Макарыча, заскочил головным в строй.

– Да что я-то, вы же тут у нас один из обер-офицеров были, вашбродь? – удивился Лёшка.

– Да сказал же тебе, что ты сам представлять всех нас тут будешь, – усмехнулся Серёга и кивнул на то двухэтажное каменное здание, что занимал штаб армии. – Там приказали!

– Хватит балаболить уже в строю, господа офицеры, какой пример для своих солдат подаёте? – прошипел полковник Колюбякин, стоявший у парадного выхода из здания, и он показал свой огромный кулачище Лёшке.

«Ну да, этот и треснуть может, с него-то станется, – подумал про командира апшеронцев Егоров и застыл в некотором недоумении. – Господа офицеры? Так тут вроде только один Милюткин из „их благородий“ стоит в нашем строю, ничего не понимаю...»

Парадная дверь здания широко распахнулась, и на расчищенную до каменной мостовой городскую площадь вышла целая группа из старших штабс-офицеров и генералов.

– Команда, равняйся! Смирно! Равнение на середину! – и Алексей, придерживая левой рукой эфес своей шпаги, вышел, чётко печатая шаг перед командующим первой русской армии, графом Румянцевым Петром Александровичем.

– Ваше сиятельство, господин генерал-фельдмаршал, команда егерей Апшеронского пехотного полка, участвующая в поискуна Журжи, построена. В строю 15 егерей и прикомандированный к ней из главного квартирмейстерства прапорщик Милюткин. Доложил старший сержант Егоров! – и Лёшка, резко сбросив правую руку от картуза, прижал её к бедру.

Крепкий и высокий сорокашестилетний командующий армией внимательно всматривался в стоящего перед ним навытяжку юношу. Может быть, сейчас Румянцев вспоминал себя, когда вот таким же шестнадцатилетним молодым офицериком он участвовал в своей первой войне со шведами и отличился там во взятии Гельсингфорса.

– Сколько годков-то тебе нынче, Егоров? – чуть сощурился, с лёгкой улыбкой произнёс Румянцев.

– Шестнадцать уже, ваше сиятельство! – рявкнул Лёшка, ещё более вытягиваясь «в струнку».

– Ну-ну, «уже», – усмехнулся Пётр Александрович. – Давай, егерь, показывай мне своих орлов!

Лёшка сделал шаг в сторону и пристроился за спиной и сбоку от его сиятельства.

– Рядовой Иван Кнопка, ваше сиятельство! – гаркнул самый низенький егерь в шеренге, стоящий с самого её краю.

– Гляди-ка, и правда ведь «кнопка»! А что, похож, – улыбнулся Румянцев. – Что, солдат, при таком-то вот малом росте удалось от османов изворачиваться в поиске?

Ваня совсем сбился с привычных и отрететированных уже десятки раз правил обращения с высочайшим начальством и застыл словно болванчик-истукан с вытаращенными и испуганными глазами.

– В последней сшибке, ваше сиятельство, когда до подмоги было уже недалеко, сей рядовой самым последним из всех нас отходил. Двоих османов он там на свой штык взял, а одного перед этим ещё и из фузеи прострелил, тем самым всей нашей команде он время дал от преследования оторваться, – приглушённым голосом поведал Петру Александровичу Лёшка.

– Вот как! – вскинул тот в удивлении брови. – Так он орёл, оказывается! Мал, да удал, как это у нас на Руси говорят! Ну, так держи вот, братец, – и он достав из кошелька два серебряных рубля, вложил их в руку солдата. – Молодец, Ваня, благодарю за службу!

Лёшка громко кашлянул в кулак и эдак незаметно из-за спины Румянцева продемонстрировал его Кнопке и всей своей замершей, «замороженной» шеренге.

– Рад стараться, ваше сиятельство! Благодарю вас покорно! – проорал Ванька, наконец-то выйдя из состояния ступора.

– Уф, – облегчённо выдохнул Лёшка. – Ну всё, теперь и все остальные на примере Кнопки смогут отвечать так, как и положено по армейской традиции и по уставу. Зря, что ли, они столько времени все тренировались перед этим. А командующий уже стоял перед следующим егерем.

– Рядовой Андреянов Трифон, ваше сиятельство! – громко представился солдат.

Румянцев доброжелательно посмотрел на перебинтованный чистой холстиной лоб солдата, державшего к тому же ещё и одну свою руку на шейной перевязи.

– Досталось, братец, тебе, как я погляжу, почему же ты тогда в строю-то в этом общем сам-то стоишь? Чай у лекаря в госпитале тебе бы ведь гораздо бы лучше было, а?

Тришка дёрнул в волнении раненой рукой и слегка поморщился. – Виноват, ваше сиятельство! Никак нет, ваше сиятельство! В своей команде ведь всегда лучше будет, чем на этой гошпитальной койке! – и он умоляюще взглянул в глаза фельдмаршалу. – Ваше сиятельство, дозвольте мне остаться у своих, у меня ведь правая рука совсем вся целая. А фузею заряжать и стрелять я и так с одной даже левой смогу, уже испытал себя давеча. А в команде среди своих я-то гораздо быстрее от ран излечусь. У нас вона, все раненые так решили, это чтобы только тута излечиваться, у своих, а не в гошпитале. Ну, это окромя Ермолайки, конечно. Да того-то мы ведь без памяти уже с леса вынесли, а я-то сам на своих ногах сюды прибёг.

Румянцев ещё раз оглядел строй из 15 егерей. На доброй половине из них белели сейчас бинты, а на многих лицах были видны ссадины и рубцы от ран.

– Много своих солдат в поиске потерял, Егоров? – обернулся он к Лёшке.

– Семерых, ваше сиятельство. И одного без памяти вынесли, тут уж как Бог по нему даст, может, и оклемается Ермолай, – ответил со вздохом Алексей.

– Даа, по всему видно, что жарко вам там было. Ну, так вы и дело большое сделали, сколько жизней солдатиков наших наперёд сохранили! Теперь-то не абы как на все эти фортеции и бастионы-крепости будем лезть, а уже со знанием дела там османов обложим, да и потом разом оттуда всех выьем. Так что не напрасна ваша кровь и все ваши труды, егеря, –

кивнул благосклонно Румянцев и снова обратился к раненому. – Молодец, братец, благодарю тебя за службу! Вот за труды твои ратные и на поправку здоровья, голубчик, – и он вложил два серебряных рубля в руку Трифона.

– Рад стараться, ваше сиятельство! Благодарствую покорно! – ответил, как и положено, бравый солдат.

Каждому стоящему в строю уделил Пётр Александрович своё внимание и слово, одаривая всех и каждого премиальными. Рядовые получили по два, а капралы и унтер Макарыч аж по три целковых – немалая сумма по меркам екатерининского XVIII века!

– А вас, господин прапорщик, я хочу поздравить с досрочным производством в следующий по табели офицерский чин, – порадовал молодого картографа его сиятельство. – Отменно сработались вы с егерями, теперь уже господин подпоручик. – Ваша карта и ваше личное виденье турецких укреплений прекрасно дополняют все захваченные в поиске карты и показания «языка».

– Ну и самое главное на сегодня! – и командующий армией чуть скосил глаз в сторону стоящей поодаль свиты из штабных офицеров. От неё немедленно выскочили двое, держащие что-то в руках.

– А ну, подойди-ка ко мне, голубчик, – улыбнулся Румянцев Лёшке, и тот предстал прямо перед господином фельдмаршалом.

– Приказом военной коллегии от сего года старший сержант Апшеронского пехотного полка Егоров Алексей, по батюшке Петрович, досрочно, за отменную свою воинскую службу и за участие в деле при Кагуле, Бендерах и Бухаресте, производится в первое обер-офицерское звание прапорщика!

И двое подскочивших штабных подали на серебряном подносе офицерские знаки отличия: офицерский шарф и «шейный офицерский знак» – горжет в серебряном цвете поля герба и цвета ободка. Всё как и предписывалось для этого чина.

– Желаю тебе, господин прапорщик, большой удачи и скорого продвижения в чинах. А это тебе награды за отменное командование в последнем поиске! – и Румянцев вложил в его руку золотой империял. – Чай найдешь, голубчик, на что потратить-то? Первый офицерский чин никем ещё скучно не обмывался, – и он иронично усмехнулся, видно, вспоминая свою молодость.

Будущий господин генерал-фельдмаршал сам в своей давней юности был весьма энергичным и хулиганистым гулякой. Не зря же он был отчислен из дипломатической службы в свои 15 лет с такой интересной формулировкой – «за мотовство, леность и забиячество». Был Петенька срочно отозван из Берлина, где он начинал свою дипломатическую службу, и определён батюшкой на военную стезю, так сказать, был он поставлен в воинский строй. Ох, и было что вспомнить из той весёлой поры Петру Александровичу! Но теперь-то главнокомандующий был, конечно, уже далеко не тот весёлый и разбитной повеса, как когда-то в далёкой бурной молодости, и он, строго нахмутив брови, сурово взглянул на Лёшку. – Однако меру всему нужно знать, Егоров! Как-никак за твоею спиной теперь уже твои люди стоят, кстати, и о том нами будет отдельно особый приказ зачитан, – и он обернулся в сторону свиты.

Подошедший главный квартирмейстер армии (начальник штаба) полковник Денисов развернул гербовую бумагу и зачитал её перед строем: «Приказом по Первой дунайской армии генерал-фельдмаршала Румянцева Петра Александровича при службе главного квартирмейстера создаётся своя отдельная егерская команда из 30 рядовых при трёх капралах, барабанщике, трёх унтер-офицерах и под началом одного обер-офицера. Задачи той команде будут ставиться лично главным квартирмейстером армии, ему же и отчёт за них давать. Командиром же команды назначается прапорщик Егоров Алексей, по батюшке Петрович».

Вот так вот за один день столько всего ухнуло на плечи Лёшки.

Глава 2. Отдельная особая команда егерей

– Ну что, ваше благородие, поздравляю! – хлопнул Лёшку по плечу с самой искренней улыбкой главный картограф армии подполковник фон Оффенберг.

Давно уже понял Алексей, кем на самом деле является Генрих Фридрихович на этом дунайском направлении действия русских войск. И теперь все эти его догадки только лишь находили своё дальнейшее подтверждение. Самым удобным прикрытием для старшего разведчика военной коллегии как раз и была эта должность ответственного по картографии. Съёмка и описание местности в полосе действий армии на всю глубину фронта с дальнейшим нанесением всех сведений на карты и схемы – что ещё может быть удобней для разведчика? Были у подполковника, конечно, и свои профессиональные картографы-съёмщики, как же без них, но вот своего боевого подразделения пока что не имелось, теперь же всё поменялось коренным образом. И у Генриха Фридриховича наконец-то появилась возможность оперативного реагирования на любые возникающие военные вызовы.

– Спасибо, вашвысокоблагородие! – со всей усердностью рявкнул Лёшка, замерев, как и подобает, по стойке «смирно» перед этим старшим штаб-офицером.

– Тихо, тихо, Алексей, – усмехнулся барон. – Ты так своими бравыми криками всех штабных писарей нам здесь всполошишь, подумают ещё ненароком, что османы вылазку в Бухарест сделали и посыплются горохом из всех окон. Здание нам здесь застудят, окна повышибают, как работать-то здесь потом? – и фон Оффенберг кивнул на свободный стул, стоящий неподалёку от стола с расстеленной на нём картой. – Присаживайся, господин прапорщик, потолкуем спокойно.

– Я с тобой, Алексей, хочу поговорить как с умным и наблюдательным человеком. Надо признаться, что ты меня весьма заинтересовал ещё с той нашей первой встречи, когда ты спас мне жизнь по пути в армию. И это касается не только твоих боевых навыков, что, конечно, тоже удивительно для шестнадцатилетнего юноши, но самое главное – это твоё умение остро и нестандартно мыслить. Именно вот это и послужило той причиной, почему мы, – и барон многозначительно хмыкнул, – достаточно долго тебя, Алексей, изучали и всячески проверяли. Как так получилось, что ты столь сильно изменился за этот последний год, мне лично так до конца и осталось пока ещё непонятно. Объяснение же нашего уважаемого доктора Иннокентия Даниловича о возможной причине этого в том ударе небесного электричества, что произошёл в поместье, и во влияния этого события на тебя лишь отчасти здесь всё объясняет. Ну да думаю, что пока можно будет довольствоваться и этим.

– Что, что ты так на меня смотришь-то, Алексей? – улыбнулся главный картограф. – Неужели ты думаешь, что этот наш разговор состоялся бы без твоей самой глубокой проверки? Здесь, в самой нашей действующей армии, всегда всё вечно у всех на виду, и среди многих людей оставить что-нибудь втайне весьма и весьма сложно будет. Как-никак вокруг воинская служба идёт. А вот что было до неё, на твоей родине, это нас, конечно же, крайне интересовало. Ну да Сергей Николаевич, коего ты уже и сам отлично знаешь, всё, что ему было нужно там, разузнал, и вопросов к тебе теперь у нас нет. Потому и в последний свой поиск под Журжи ты отправился уже фактически от самого штаба армии и под нашим самым полным покровительством. Не зря же вас целый гусарский полк там на выходе прикрывал. А уж результаты этого самого поиска и вовсе показавшем сомневающимся правильность нашего общего решения и выбора. Поэтому твоя задумка о создании особой егерской команды штуцерников, поддержанная, кстати, всеми нами, – и барон многозначительно кивнул наверх, – встретила самое полное одобрение самого командующего. Времени у тебя на её формирование, Алексей, мало, так что принимайся ты за это сразу же и безо всякой раскачки. Турки тоже совсем не дураки и прекрасно понимают, что значит похищение их главного фортификационного начальника да

ещё и вместе со всеми его картами и со схемами в придачу. Если им теперь время дать, так они у себя много что там поменяют в своих укреплениях, ну а ваши добытые кровью сведения обесценятся. Поэтому бить по Журжи мы будем совсем скоро, так что готовься к боям, прапорщик.

Лёшка понимающе кивнул и встал из-за стола, чувствуя, что разговор подходит к своему концу.

– Но на обмыв первого офицерского звания время-то у тебя, конечно, есть, только ты уж не увлекайся этим слишком, послушай вон старика-командующего. И было бы лучше, ежели ты в «Зажаренном ягнёнке» это дело будешь организовывать, чтобы сие заведение и вовсе бы на весь вечер всё под себя снять. Не мне тебе объяснять, сколько там «лишних ушей бывает», – и он эдак иронично подмигнул Лёшке.

«Вот ведь не иначе как всё знает, зараза!» – подумал озадаченно Лёшка. – А вас-то туда можно пригласить, господин подполковник?

– Не думаю, что это будет правильно, Алексей, – улыбнулся Генрих Фридрихович. – Нам тут будет достаточно и самых скромных гостинцев. Распорядитель в этой харчевне ведь хорошо разбирается в винах и закусках, ведь правда? – и он опять мило улыбнулся молодому офицеру.

– Так точно, ваше высокоблагородие, – кивнул Лёшка. – Сделаем всё в лучшем виде!

– Ну, вот и хорошо, – согласился с ним барон. – Да, проживать вы все будете там же, где и раньше. Нечего вам здесь возле самого штаба ошиваться, тут и так своей охраны предостаточно, а вы чай не комендантский плутонг. Найди интенданта при штабе Филиппова Якова Семёновича – он тебе сам всё объяснит по всем своим тыловым вопросам.

– Ещё у казначея получишь 20 рублей на расходы по формированию команды. Знаю я, сколь много средств на это всё уходит, а ты, поди, не богатей из великосветских повес. Сумма эта, конечно, не очень большая, так что уж трать ты её, прапорщик, с умом. Да, и вот что ещё, дорогой, не пытайся ты уж больше в наших армейских интендантствах оружие под себя выкупать. А то слухи, знаешь ли, жалобы разные нехорошие ходят, как один небольшой егерский плутонг апшеронцев и вдруг за какие-то полгода на треть штуцерами перевооружился. Вон бедные наши интенданты все склады свои оружейные перерыли и всё по пять раз там у себя перепроверили. Знаю я твою задумку по нарезному оружию, но пусть здесь всё будет законно, а где только будет можно, мы тебе и так всем поможем. Хотя, конечно, и так у тебя в команде семь штуцеров уже, невиданное сие в наших войсках дело, – и он покачал головой.

«Угу, – подумал про себя Лёшка. – Посмотрим, что вы, ваше высокоблагородие, через недельку мне скажите, когда из мастерской Силезского оружейника Отто ещё три ремонтных штуцера выйдут, да ещё с этой винтовальной дуриной „затрофееной“ в Бендерах». Сам же при всём этом он сделал образ грустный и печальный, всем своим видом показывая абсолютную безгрешность и даже как бы лёгкую обиду от всех этих пустых наговоров.

– Мало, Генрих Фридрихович, мало у нас нарезного оружия для особой команды. Я же говорил, что в моих планах, чтобы на двух фузейщиков по одному штуцернику приходилось, а это ещё как минимум пять-шесть винтовальных стволов нам будут нужны. А из тех, что мы сейчас имеем, не одна не украдена, а за все серебром, золотом или даже вообще вон нашей кровью уплачено.

– Да знаю я, знаю всё! – махнул рукой барон. – Потому-то и беседую сейчас с тобой и просто так мягко и по-дружески предупреждаю. При другом раскладе и разговор бы у нас этот по-другому состоялся, – и он пристально взглянул в глаза Егорову.

«А „картограф“-то, далеко не простой человек, – опять убедился в правильности своих прежних мыслей Лёшка. – С виду ведь чистый добряк и открытая душа, а внутри-то его вон какой „волкодавище“ лютей сидит. Такому бы лучше в пасть не попадаться, вмиг на мелкие лоскуты порвёт. Ладно, будем теперь иметь это в виду».

– Ну ладно, не буду тебя задерживать, Алексей, ведь у молодого офицера впереди столько дел и забот, да, и это тебе, – и фон Оффенберг протянул Алексею письмо со знакомым почерком. – Мы тут решили, что тебе будет приятно получить весточку из дома, всё равно ведь там наши люди с оказией проездом были. – И барон милостиво кивнул. – Идите, прапорщик Егоров, идите. Идите и готовьте свою команду, через пару недель перед выходом на Журжи всех наших войск вы мне там очень понадобится.

Лешка, выйдя из кабинета «главного картографа», надорвал склеенные концы письма и, открыв внутреннюю его часть, жадно вчитался в строчки, выведенные батюшкой. В поместье, по его словам, всё было хорошо и в порядке. Сестру Аннушку просватал давеча весьма уважаемый в обществе отставной полковник Ляпин, проживающий в самом уездном городке Козельске. Свадьбу сыграли на прошлой неделе на Казанскую, как раз перед приездом господина капитана Ильи Михайловича Ветрова, что приехал из полка Алексея да привёз ему добрую весточку о сыне. Господин Ветров был настолько любезен, что, оставаясь в Козельске по делам службы всю эту неделю, он раза три навещался в Егоровское и много чего доброго рассказал о службе младшего отпрыска. От всего этого у старого отставного елизаветинского майора на душе теперь стало легко и умиротворённо. Все дети, по его словам, теперь были пристроены, и в дальнейшем оставалось лишь полагаться на милость Божию, да надеяться, что и в будущем с ними со всеми всё тоже сложится удачно. Алексею давался наказ служить матушке-императрице верой и правдой, но, однако же, и вперёд без головы в жарких баталиях не лезть, дабы оную голову сохранить для будущих дел и, бог даст, для продолжения дворянского рода Егоровых.

В общем-то, на этом само письмо и заканчивалось, а на душе у Лёшки было как-то спокойно и печально, как будто бы тёплым ветерком пахнуло на него из такого недалёкого детства.

Некоторые опасения о судьбе близких ему людей у Алексея были. Наступил тяжёлый 1771 год. Год последнего прихода чумы в Европу и страшного своим безумием «Чумного бунта» в Москве. Год, когда эта страшная болезнь, проникшая в центральные губернии России с юга, из района боевых действий русской и турецкой армий, выкашивала, по словам современников, по тысяче человек в день. И которая вызвала, кроме того, этот самый разрушительный «Чумной бунт». 15 сентября тысячи людей, вооружённых дубинами, кольями и топорами, ворвались в Московский Кремль, взяли приступом Донской монастырь и убили там архиепископа Амвросия, после чего начали грабить дворы состоятельных горожан, громить карантинные дома, госпитали и больницы. Только лишь решительные действия графа Орлова и генерала Еропкина сумели погасить этот разрушительный бунт и позволили властям развернуть широкие карантинные меры против самой болезни. Но десятки тысяч людей на тот момент уже успели покинуть старую столицу и разнести страшную болезнь по стране. Всех сильнее тогда от эпидемии пострадала центральная Московская губерния, куда, собственно, и входил Козельский уезд – малая Родина Алексея.

Оставалось только надеяться, что его родным удастся отсидеться в своих имениях в этой провинциальной глуши и что чёрная беда с косою пройдёт мимо них стороной.

У интенданта при штабе армии Филиппова Алексей ознакомился с формулярами по штатному расписанию своей команды, нормами положенности вещевого, провиантского и денежного обеспечения. Всё было на уровне егерских команд пехотных полков. По денежному же обеспечению полагалась надбавка в четверть прибавки к обычным пехотным егерям. Интендант был уже весьма и опытный, и искушённый за долгие годы службы тыловик, и выпросить с него лишнего у Лёшки ничего не получилось. «Всё как положено», – был лишь один его ответ.

– Дам я тебе один совет, прапорщик, – проскрипел простуженным голосом Яков Семёнович. – Определи ты у себя для интендантских целей самого опытного в команде унтера. Это дабы у тебя самого были руки развязаны от множества хозяйских дел и чтобы ты сам мог сво-

бодно боевой егерской службой заниматься. Пришлѣшь его ко мне завтра после обеда, а я уже ему сам всё здесь по делу растолкую. Велено мне свыше вашу команду ни в чём не ущемлять и лишь только всемерно способствовать. Так что всё, что только вам будет нужно, вы получите безо всякой обиды и стеснения и будете и далее так же всё получать сполна. И то первое, что сделает ваш интендант в своём деле, это подберѣт вам новую форму и новую офицерскую амуницию. Негоже такому бравому офицеру да в унтерской рванине щеголять, – и он кивнул на Алексея.

– Да я только сегодня чин получил, – оправдывался в смущении Лѣшка.

– Ну, вот и начните своё офицерство с приведения себя в приличный и в уставной вид. И пусть все ваши солдаты смотрят на вас и видят, что ими командует человек из приличного сословия, – поджав губы, проскрипел господин Филиппов.

– Команда, в одну шеренгу становись!

Лѣшка оглядывал цепочку егерей, выстроившихся на ближайшем пустыре, заменявшем им во время зимнего постоа в Бухаресте строевой плац.

Всего их на сегодняшний вечер в строю было 15 человек, шестнадцатый, Ермолай, только лишь недавно пришѣл в себя в госпитале, и лежать ему там ещё надлежало очень долго. Слишком много крови потерял солдат от двух полученных в лесу ран, ладно ещё хоть живым смогли его оттуда вытащить.

Все стоявшие в строю прошли с ним последние бои под Бухарестом. С кем-то он был ещё под Бендерами и в Кагульском сражении. Это была та основа, на которой и нужно будет создавать особую егерскую команду. Всё это своим солдатам и объяснил доходчиво Алексей.

– Приглашайте хороших стрелков из своих знакомых, братцы. Неделю нам дано на поправку и отдых после крайнего поиска, а там мы уже и снова к новому делу будем готовиться. Хорошо, когда рядом с тобой добрый солдат в твоих товарищах состоит, когда он умелый и надёжный воин, а главное, что он душою чистый и нравом пригож. Но вы и к молодым тоже присматривайтесь вокруг. Глядишь, из кого-нибудь и у себя в команде настоящим егерем со временем вылепим. А за эту неделю отдыха весть о наборе к нам разнесите, братцы, как можно шире. Знаю, что многих не захотят командиры к нам из полков отдавать, ну да и у нас уже при штабе есть те люди, кто это всё решить сможет. Вы же, главное, о них мне докладывайте, а там уж мы и посмотрим, как их забрать. Как вы уже ранее слышали, при награждении у нас будет 30 строевых рядовых егерей при трёх капралах и ещё трёх унтерах. Одного грамотного солдата мы подберѣм на должность барабанщика.

– Нашим главным интендантом с унтер-офицерским званием «подпрапорщик» я назначаю Лыкова Матвея Никитича. Тебе, Никитич, стало быть, теперь и надлежит быть нашим главным хозяйственником в команде, и барабанщик, которого мы подберѣм из обученных грамоте солдат, под твоей же рукой ходить будет.

– Из двух остальных унтер-офицеров Макарыч, вернее, Дубков Иван Макарыч, назначается моим первым помощником, и он получает следующее звание в производстве – каптенармус.

– Егор Архипович Свистунов, как и положено лучшему стрелку команды, назначается старшим по обучению всем тем егерским премудростям, что так важны в нашем деле. В случае же нужды он подменяет собой и главного унтер-офицера. А сегодняшним днём ему присваивается первое унтер-офицерское звание – фурьер.

Лѣшка уже прекрасно ориентировался в достаточно непростой классификации нижних чинов Российской императорской армии. Первой ступенькой от рядового по старшинству был капрал, начальственный чин, особняком стоявший между солдатами и унтер-офицерами. Далее за ним шли унтер-офицерские чины: фурьер, потом каптенармус, подпрапорщик и все нижние чины закрывали звания старших унтер-офицеров – это младший и старший сержанты.

– Тридцать рядовых у нас делятся по трём отдельным десяткам под командой своих капралов, – продолжил он расстановку в команде. – И назначаю я сим днём капралами Карпыча, то есть Иван Карпыча Зубова, Ёлкина Потапа Савельевича и Осокина Тимофея Захаровича. Поздравляю вас, господа, с производством в начальственные чины! Не забудьте нашить знаки различия в виде галунов на воротнике, напоминаю, у капралов он серебряный, а у всех остальных унтер-офицеров – золотой.

– Штуцера, которых у нас без моего и без Егора числом пять, поделить примерно поровну по десяткам пока не получится, но я очень надеюсь, что со временем тут у нас тоже всё удачно решится. Вообще, я вижу всех вас в будущем вооружёнными отменным оружием и экипированными самым лучшим снаряжением и амуницией. У каждого третьего в команде будет штуцер. У всех как минимум один, а лучше даже, чтобы два надёжных пистоля. Плюс небольшой тесак или сабля для ближнего боя, а на боку ещё кинжал или швырковый нож на поясе.

– На каждую тройку будем делать по такому же плоскому котелку с глубокой крышкой, которыми мы уже пользовались на выходе. Нашьём скрытные плотные пологи-накидки, что так хорошо показали себя на последнем выходе. Всё это, чтобы не обременять себя лишними тяжестями в переходах, чтобы удобней и быстрее было готовить пищу и маскироваться на местности. В общем, братцы, работы нам с вами теперь предстоит непочатый край. Дольше вас держать я сейчас не намерен. И с завтрашнего дня, помня, что сам дал вам неделю на отдых после обязательного построения с проверкой, будем мы заниматься только лишь по паре часов, а потом вы будете отдыхать до вечерней проверки и заниматься своими делами. Вопросы ко мне есть?

Вопросов у личного состава не было, поэтому проверив внешний вид и оружие в шеренге и сделав несколько замечаний, скорее для порядка, чем из личного занудства, Алексей распустил строй. К себе в дом, где он был на постое, он попросил зайти только лишь унтер-офицеров.

Горели две сальные свечи в горнице, где за столом сидели русские солдаты. Домочадцы, пожилая пара валахов, старались им не мешаться. Хозяин, Стефан, работал на дворе, задавая корм скотине, а пожилая Мируна пряла что-то в своей маленькой комнатке.

Валахи как народ отличались большой недоверчивостью к чужим людям. Слишком много они претерпели за долгое время своей истории от чужаков. Русские их не притесняли, за постой они платили всегда исправно и полностью, даже бывало, что и помогали им по хозяйству, такие привычные к тяжёлому физическому труду. Но всё-таки это были для них чужие люди, и лучше было держаться от них подальше, вон у них сколько всякого оружия на себе навешено.

– Ну что, господа командиры, поздравляю вас ещё раз с производством в старшие чины, – начал разговор Лёшка. – Приказ по этому поводу уже подписан сегодняшним днём, так же как и по утверждению общих штатов нашей команды. Осталось нам только её с вами сформировать. Давайте задавайте вопросы, кому и что осталось не ясно?

– Да вроде всё понятно, ваше благородие, – почесал голову Макарыч.

– Егерский мундир нам сохранили, штуцера и егерскую амуницию тоже, значит, и способ боя остаётся у нас тот же, что и был раньше?

– Ну как сказать, – теперь над ответом задумался уже и Егоров.

– Обычные егерские команды при наших пехотных полках ведь действуют в основном перед строем своих же полков и прежде всего именно в их интересах, как их приписные застрельщики и охотники. Отдельные егерские батальоны в армии выполняют то же самое, но только в интересах бригады, дивизии или же сводного корпуса. А вот нашим делом, делом маленькой команды егерей, будет, наверное, в большей мере такая индивидуальная, нуу, как бы такая особая разведка неприятеля, а иногда и проведение по нему тайных ударов. Это называется по-научному диверсией, что с латинского «диверсию», на наш лад переводится как «отклонение» или «отвлечение». Нам, конечно же, и в сражениях, я думаю, тоже доведётся ещё

поучаствовать, но это всё-таки уже будет не самым главным теперь для нас делом. Отсюда и особая подготовка потребуется, помимо той, стрелковой егерской и пехотной, которой мы и так уже обучены. Да и оружие, амуниция и снаряжение особое понадобится, про что я уже говорил в общем строю. Штаб выделил нам уже 20 рублей на все начальные расходы, вот отсюда-то мы, как говорится, и начнём плясать.

– Господин поручик, Лексей Петрович, а как с постоем-то быть, столоваться где нам, имущество и порции на питание откуда теперяча будем получать? – задал волнующий его вопрос штатный интендант команды Матвей Никитич. – Раньше-то мы при Апшеронском полку у Колюбякина были, с их интенданта и истребовать всё можно было, да и в хороших отношениях так-то мы с ним были, а сейчас нам как?

– Всё хорошо с этим, Никитич, – успокоил дядьку Алексей. – Завтра после обеда, часа в три пополудни, ты найди интенданта при штабе армии господина Филиппова. Чин я его не разглядел, так что называй ты его «ваше высокоблагородие», никак не ошибёшься. Тыловик он весьма опытный и искушённый, как сразу по нему и видно. Но там ему уже дали понять, чтобы он отнёсся к нам со всем своим вниманием и с расположением. Так что ты, главное, Никитич, получше впитывай всё то, что он тебе будет говорить и чему там поучать тебя станет, да и мотай себе на ус. Нам при главном интендантстве хорошие связи ох как нужны будут, чай уж отблагодарим его потом чем-нибудь, встречаются же порою добрые трофеи, – и увидев понимающий кивок дядьки, продолжил беседу далее.

– По поводу постоя всё остаётся у нас так же – размещаемся мы в тех же домах, что и ранее, так как при штабе нам делать нечего. Мне уже дали понять, что если мы там станем много крутиться, то нас мигом в его охрану определяют. У кого-нибудь есть желание на караулах ночами мёрзнуть и годами во фрунте стоять?

– Неет! – хором протянули унтера. – Что мы, комендантские, что ли, какие, егерей, как часовых, на пост ставить, да где это видано-то вообще?!

– Вот то-то! Поэтому от большого начальства подальше нам надо быть и своё егерское дело туго знать, дабы уважали и не совали куда ни попадя, – подвёл итог разговору Лёшка.

– Да, и с людей, братцы, чистоты и аккуратности требуйте со всей строгостью! Вон какой мор по всей Валахии от чумы идёт. Поветрие уже и на южные губернии России перекинулось. А я вам уже с самого моего знакомства всё талдычу – беречься от грязи. А всех грязнуль сразу ко мне, уж я-то им завсегда найду дело!

Глава 3. Меняла

Служба на зимних квартирах шла своим чередом. Утром и вечером проходили неизменные построения с проверкой личного состава команды, его внешнего вида, оружия и амуниции. Затем были два-три часа занятий в основном стрелковой подготовки, проходящие в низине, за городской окраиной. Егерям давалось немного начальных навыков рукопашного боя, закреплялось умение рубки саблей или тесаком, ну и шлифовался традиционный в русской армии штыковой бой. После этого солдаты распускались по своим делам, каждому, кто хотел идти в город, на руки давалась увольнительная, утверждённая прапорщиком Егоровым, с указанием фамилии, имени, звания и подразделения служивого, а также с прописью времени, позволяющим отсутствовать вне расположения команды. И каждый теперь мог совершенно спокойно передвигаться по огромному городу, не боясь патрулей и многочисленного начальства. Любая официальная бумага с печатью была в большом уважении в это время.

У Алексея тоже были свои дела. Нужно было, как только возможно быстро, сформировать свою команду, одеть, обуть, экипировать, вооружить её. Сбить всех в боевые тройки и десятки. Подготовить людей к предстоящим боям. Пока же шла объявленная им неделя отдыха, нужно было решить кое-какие свои личные дела.

Как и было предложено «куратором из штаба», собрать на обмыв своего первого офицерского звания людей Алексей решил в знакомой уже ему харчевне «Зажаренный ягнёнок». Прикинув примерное количество приглашённых и предстоящие на это расходы, стало ясно, что средства на это потребуются немалые. Жаться в таких делах не хотелось, и Лёшка понял, что пришла пора расставаться с частью своих сокровищ.

На территории Валахии, где сейчас и проходили боевые действия, в ходу были в основном турецкие, русские и австрийские монеты, то есть деньги тех государств, с кем эти земли были наиболее связаны. И предпочтение здесь отдавалось явно монете австрийских Габсбургов. Не зря же и оружейник из Силезии, Отто Шмидт, пожелал вести расчёт за свои услуги самыми твёрдыми и надёжными деньгами, а именно кроненталером. Но для этого нужно было обратить свои разношёрстные монеты в единую валюту, и кто это сможет сделать, Егоров уже знал.

В пятницу, проведя традиционное построение и выдав указание Егору о проведении дальнейших занятий на сегодня, Лёшка направился разыскивать менялу Давида. Этого человека ещё перед Рождеством порекомендовали ему, и сам оружейник и распорядитель харчевни Думитру.

Поиски долго времени не составили – его лавка находилась возле главной базарной площади Бухареста, в подвальчике местной цирюльни. Алексей спустился по узкой каменной лестнице к массивной дубовой двери и, с усилием толкнув её, зашёл в затемнённое помещение.

Сразу у входа был небольшой коридорчик и массивный длинный прилавок. Скучное освещение давали пара светильников, висящих на боковых стенах. Да ещё горела большая сальная свеча за столиком около сидящего за ним пожилого человека с седой курчавой бородкой.

– Молодой господин офицер что-то хотел мне предложить? – мужчина, закутанный сверху в шерстяную шаль, убрал что-то в стоящую на столе шкатулку, отложил в сторону большую лупу и, сняв с переносицы свои несуразные очки в массивной роговой оправе, подошёл к прилавку.

– Мне нужен господин Давид, – обратился к подошедшему Егоров. – Мне его порекомендовали оружейный мастер Отто Карлович Шмидт и Думитру из «Зажаренного ягнёнка».

– Вот как! – вскинул брови пожилой человек и почесал кончик своего длинного горбатого носа. – Если вас сюда направили столь уважаемые люди, таки значит, что для вас это уже буду точно я, – и он склонил седую голову в лёгком поклоне.

Выговор Давида был достаточно чистый, с лёгким гортанным акцентом и небольшой шепелявинкой. Сам же он производил впечатление умудрённого жизненным опытом человека. На его макушке лежала маленькая вязаная шапочка – кипа, очень органично смотревшаяся на коротких седых волосах. И только лишь по бокам головы они были длинными и свисали чуть ниже подбородка, свитые к тому же в небольшие и тонкие косицы.

– Я полагаю, что вы сюда, уважаемый, пришли не ради вон того старья и хлама, – и он кивнул на ворох ношеной одежды с обувью, разложенных на длинных столах у стены.

– Вы правы, – кивнул Лёшка, – мне вас порекомендовали как серьёзного и честного человека, умеющего правильно обменять монеты самых разных стран и номиналов. Надеюсь, я сюда зашёл правильно и если да, то как мне тогда к вам будет правильно обращаться?

– Хм, – хмыкнул старый еврей, – вы можете звать меня просто Давид, старый Давид. Но если господин офицер всё-таки хочет сделать мне немного приятного, то тогда он может упоминать и отчество моего бедного покойного батюшки Соломона. А как можно обращаться к столь бравому молодому русскому командиру, и как много он хочет обменять сегодня монет?

Алексей полез за пазуху и достал объёмный чёрный кожаный кошель на тесёмках в виде плотного мешочка. Потом он развязал его и выложил на прилавок одну за другой 15 золотых монет. Из них пять были турецкими монетами в 100 пиастров каждая, две английских гинеи, три явно старинных динара, с выбитой на них арабской вязью, ещё плюс два испанских дублона, два двойных дублона, и замыкало эту коллекцию одно экю Франции времён Людовика XIII с его же профилем на одной из сторон.

– Меня вы, Давид Соломонович, можете звать просто Алексеем, но если вам вдруг захочется сделать мне приятное, то можете упоминать и моего батюшку Петра, дай бог ему доброго здравия.

Глаза Соломоновича при виде такого богатства радостно блеснули, лицо же его так и оставалось при этом таким же грустным и беспристрастным, как и ранее. Он как-то быстро и сноровисто выскочил из-за длинного прилавка и прикрыл за Лёшкой входную дверь на её тяжёлый кованый засов.

– Зачем лишние глаза, когда такое серьёзное дело решают два заинтересованных человека?

На что Алексей только лишь усмехнулся и понимающе кивнул головой.

– Итак, Алексей Петрович, как бы вы хотели обменять это золото? – меняла зажёл ещё две большие свечи и одну за другой тщательно ощупал и рассмотрел через большую лупу все принесённые монеты.

– Мне нужно обратить мои золотые монеты в серебряные, и лучшим номиналом для себя я бы посчитал австрийский кроненталер. Какое соотношение размена у вас от золота к серебру?

Соломонович оторвался от лупы и внимательно посмотрел Алексею в глаза.

– Хм, не ожидал я от вас такого делового разговора. Вы уже трижды за всё время упомянули особые, специфические слова-термины. Алексей Петрович, наверное, когда-то имели дело в разменах, а может быть, даже и сами вышли из уважаемой купеческой среды?

– Нет, – покачал головой Лёшка, – я сам родом из служилых дворян, но определёнными знаниями тем не менее обладаю. Я бы не хотел дальше распространяться на эту тему, – и он сделал многозначительную паузу.

– Простите меня за столь неуместное любопытство, понимаю, всё понимаю, – Давид Соломонович поднял, как бы сдаваясь, обе руки и сделал лёгкий поклон. – Если позволите, то мне нужно проверить каждую монету. В наше непростое время нужно всегда и везде быть внимательным и особенно, когда имеешь дело с деньгами. А вы можете пока посидеть здесь вот на стульчике, – он подвинул громоздкий деревянный табурет к печке и подкинул в неё несколько поленьев.

– Грейтесь, уважаемый, это займёт не менее 20, а то и 30 минут, тут лучше не спешить.

Лёшка присел туда, куда ему и указали, и уже со стороны наблюдал за всеми манипуляциями менялы. Каждый золотой Давид Соломонович самым тщательным образом рассматривал через лупу со всех сторон. Особенно внимательно он проверял гуртовое оформление кромки, ведь их нередко подпиливали, уменьшая тем самым вес самой монеты. Затем он смачивал их каким-то раствором из стеклянной посудки, как видно, проверяя реакцию – не окисляется ли металл. И особенно долго и тщательно он взвешивал монеты на точных аптекарских весах, сравнивая их с уже имеющимися у него эталонами.

– Ну что, Алексей Петрович, – наконец подошёл он к посетителю, – вы меня опять приятно удивили, ни один из представленных вами золотых не оказался фальшивым или даже подпорченным. Все ваши монеты имеют свой вес и всю положенную им текстуру. Арабские динары, конечно, немного уже подтёрты, ну да им и лет-то сколько? Уже столько сотен лет они в постоянном обороте с момента чеканки находятся. Итак, ваш вопрос был по соотношению золотых монет к серебряным. Оно у меня 1 к 15, и поверьте, нигде более в Бухаресте, да и во всей Валахии, вы не найдёте для себя более выгодного курса, чем здесь у меня. За свои труды я беру десятую стоимость от всего размена, отсюда и честность во всех этих меновых операциях. Мне просто нет интереса обманывать своих клиентов, потому как я всё равно здесь извлеку свою гарантированную прибыль, а они, возможно, ещё не раз ко мне потом обратятся. Вы ведь обратитесь ко мне, господин офицер? – и он с улыбкой посмотрел на Алексея.

– Очень возможно, Давид Соломонович, очень даже возможно, – кивнул Егоров. – Было бы только, что у вас разменивать.

– Я искренне этого и вам, и себе желаю, – опять улыбнулся Алексею старый еврей. Будьте же любезны проследовать к моему разменному столу, где я вам всё при вас же и рассчитаю. Только вы уж свой стульчик с собой захватите, старый Давид после пятого десятка стал такой немощный, – и он горестно вздохнул, разведя руками.

– Итак, вот перед вами все записи о нашей разменной операции. Я их вёл в привычной для России мере веса в золотниках и долях.

Лёшка взглянул на лист бумаги, испещрённый записями и колонками цифр. Это был какой-то кошмар! Привычных для XX и XXI века единиц мер веса и массы в XVIII веке вообще не было. Всё здесь измерялось в вершках, футах, фунтах, сажнях, аршинах, дюймах, пудах, гаранцах и прочих подобных величинах, принятых в этом времени. А такое привычное и обыденное понятие как грамм и вообще будет введено в обращение во Франции только лишь через четверть века. А потом ещё лет пятьдесят оно будет пробивать себе дорогу к всеобщему признанию. Так что тут действительно было нужно, по всей видимости, больше полагаться на саму честность и порядочность весьма опытного и авторитетного в таких делах Давида Соломоновича. Самого, кстати, и заинтересованного в поддержании своего честного имени на слуху. И всё-таки Алексей углубился в эти расчёты, скорее более для того, чтобы не потерять уважение у старого менялы, чем действительно для строгой ревизорской проверки.

– Пять турецких монет номиналом в сто пиастров каждая – это 8,4 золотника веса, а в золотнике у нас 96 долей, значит, долей всего в этих монетах – 812,3. Идём далее...

– Две английских гинеи – это 3,9 золотника и 373, 4 доли соответственно.

Далее так же считаем динары, дублоны, двойные луидоры и экю. Итак, всего тут вес 25, 9 золотника или, если это в долях, то 2486,4 доли. По курсу 1 к 15, мне причитается 388,5 золотника или же 37296 долей серебра. Указанный отдельно эталон веса кроненталера состоит из 6 золотников или 576 долей серебра. Так что в итоге мы получаем 64,7 кроненталера мне к выдаче. Десятая часть – к отдаче за услуги размена – это 6,5 кроненталера, а мне к выдаче причитается 58. Это если срезать небольшой хвостик в остатке.

В принципе, всё здесь было вполне понятно. Само собой, опытный меняла извлекал и тут свою выгоду, ведь расчёт-то шёл до десятых частей меры веса монет, а не дальше. Ну, да и ладно, это уже мелочи! Главное, что всё здесь понятно и обмен у них состоялся.

Давид Соломонович внимательно наблюдал за тем, как Лёшка подсчитывает и сверяет все расчёты в его записях. Похоже, что он ещё более проникся уважением к этому молодому клиенту и, сходя в другую комнату, он выложил перед ним на стол 58 положенных по обмену больших серебряных монет, а рядом с ними положил ещё и одну русскую екатерининскую полтину.

– Это чтобы у вас не возникло никаких сомнений при округлении в расчётах.

– Да всё хорошо, Давид Соломонович, – улыбнулся Лёшка, – у меня никаких претензий к вам нет. Надеюсь, что мы ещё с вами увидимся.

– Я тоже очень на это надеюсь, Алексей Петрович, – поклонился хозяин. – Приятно было работать со столь разумным молодым офицером. Не забывайте же старого еврея Давида, – и он, сдвинув огромный засов на двери, выпустил клиента из своей конторки.

Алексей, выйдя на улицу, пощупал через егерскую офицерскую шинель изрядно выступающий холмик. Полтора килограмма серебра давили приличной тяжестью на теле. И ощущая себя местным олигархом, он пошёл в сторону нужной ему харчевни. Теперь можно было и договариваться о проведении торжественного вечера по обмыву его первого офицерского звания. Деньги на это у него уже теперь были. Да и 17 кроненталеров для оружейника из Силезии должны были тоже после всего остаться.

Глава 4. В «Зажаренном ягнёнке»

Думитру, распорядитель из «Зажаренного ягнёнка», был на месте и что-то выговаривал поварам в кухонной половине заведения. Время было обеденное, и в зале харчевни сидело несколько небольших компаний из незнакомых ему армейских офицеров, да в паре боковых комнат под массивными арками сидело человек пять местных посетителей, скорее всего, из состоятельного купеческого сословия.

Алексей подсел за небольшой дубовый столик в нише у стены и, когда к нему подскочил прислужник, попросил его принести что-нибудь пообедать. Уже через пять минут около него стояла глубокая глиняная тарелка с густой кислой похлёбкой – чорбой, блюдо с кукурузной кашей мамалыгой, а на тарелках были выставлены солёная брынза и несколько видов твёрдого и мягкого сыра.

– Совсем скоро господину офицеру подадут горячее сармале из фарша ягнёнка с рисом, запеченные в виноградных листьях, – угодливо наклонившись, рассказывал прислужник. – Что вы выберете из напитков, уважаемый? Мы рады вам предложить несколько видов местных и привозных вин, а, может быть, пиво, сваренное по традиционным немецким рецептам? Ну а из крепкого, я рекомендую вам сливовую цуйку, ракию и обжигающую палинку из ягод черешни.

– Принеси нашему гостю кувшин с сокатэ из подвала, из той, что мы оставляли для хороших гостей, – сзади незаметно подошёл Думитру, и он вежливо поклонился Алексею.

– Доброе утро, господин офицер, поздравляю вас с повышением, и рад вас видеть в нашем заведении, – и он опять сделал лёгкий поклон.

– Спасибо, Думитру, присаживайтесь, пожалуйста, – предложил Егоров. – Собственно, я зашёл-то сюда именно к вам.

– Нет, нет, нет, что вы! – воскликнул распорядитель. Нам никак нельзя сидеть со своими гостями, ведь они тут отдыхают, а мы работаем.

– Ну, тогда мне придётся тоже встать из-за стола, и тогда моя еда остынет, пока я тут буду с вами припираться, – лукаво улыбнулся Лёшка. – А я ведь пришёл к вам по делу и хотел бы обсудить с вами его детали.

– Ну что же, желание клиента для нас закон тем более, если он хочет поговорить о деле, а более того, что он уважаем мною, – и Думитру с улыбкой присел напротив обедающего.

– Во-первых, я бы хотел выразить вам благодарность за ваши рекомендации по лучшему мастеру оружейнику и по надёжному денежному меняле, – начал разговор Алексей. – И Отто Карлович, и Давид Соломонович шлют вам свои поклоны и пожелания доброго здоровья. Все свои дела я с ними уладил, а к вам у меня будет большая просьба. Я, как вы уже сами заметили, получил недавно офицерский чин, и мне бы хотелось это хорошо отметить именно в вашем гостеприимном заведении. Здесь довольно уютно, а ваши повара прекрасно готовят. Что же ещё нужно служивому человеку, оторванному надолго от дома?

Думитру его внимательно выслушал и, когда Алексей замолчал, задал свои вопросы.

Ему, конечно, очень лестны столь добрые отзывы об этом заведении, и теперь интересуется, сколько человек и, что важно, каких именно, будут присутствовать на этом ужине? Какие столики они бы для себя выбрали? Что из блюд и напитков захотят вкушать, празднуя, эти званые гости? А также точный день, ну и хотя бы примерное время начала самого ужина.

– Хм, вы меня немного не поняли Думитру, – улыбнулся Лёшка. – Я бы хотел заказать всё заведение на этот ужин. Согласитесь, не очень приятно, когда посторонние тебе его портят. По людям, я полагаю, что будет порядка шестнадцати-двадцати нижних чинов из моих солдат и унтер-офицеров. Ну и где-то около десяти офицеров, это точно. По блюдам и напиткам пусть всё будет на ваш вкус, вы в этом сами прекрасно разбираетесь в отличие от меня. А что готовить и когда всё это подавать, вы тоже знаете не хуже, а гораздо лучше моего. Что-нибудь хотелось

бы и взять в виде гостинцев на вынос. В прошлый раз ваша корзинка с гостинцами очень понравилась весьма уважаемым людям. Да, и было бы хорошо, чтобы были те музыканты, что как хорошо играли на скрипках и пели такие красивые местные песни. Всё прочее, с цыганами и с развесёлыми девицами, мне бы конечно, здесь видеть не хотелось.

– Да, хорошо, – кивнул головой Думитру. – По поводу блюд, музыкантов и всего прочего, это всё понятно. Со своей стороны, я бы посоветовал вам, выбрать для вашего торжества день среди недели, скажем, следующий вторник. Видите ли, господин офицер, снять такое заведение, как наше, в Бухаресте на весь вечер будет делом весьма затратным. А уж тем более на субботние или воскресные дни. Поэтому поверьте, вторник будет самый удачный для вашего ужина день. А я с хозяином поговорю, чтобы он сделал для вас добрую скидку.

– Идёт, – согласился Алексей. – Сколько, по-вашему, будет нужно на всё, если я буду рассчитываться кроненталерами?

Думитру почесал затылок:

– Ну, пятнадцать-шестнадцать, учитывая названное количество гостей, заплатить, скорее всего, вам придётся. Из них пять вы уже сейчас можете оставить задатком, чтобы мы начали выбирать и закупать для вас самые свежие продукты. По музыкантам рассчитываться придётся отдельно, но дорого за этот вечер будничного дня они не возьмут, думаю, что вашей русской серебряной полтины будет им вполне достаточно на троих. Я их сам предупрежу, и они будут готовы к?... – распорядитель вопросительно посмотрел на Егорова.

– Думаю, вечером к семи будет как раз, – ответил тот, посчитав, что это самое оптимальное время для начала, так сказать, «коллективного и культурного отдыха».

– Отлично, тогда ждём вас всех в ближайший вторник к семи вечера. К этому времени у нас всё уже будет готово, и вам ни о чём не нужно будет беспокоиться, – заверил Думитру и убрал пять кроненталеров задатка в кошель.

Отобедав, Лёшка направился в штаб. Следовало встретиться со своим «куратором» в лице главного картографа барона фон Оффенберга, доложить ему о ходе дел в своей команде и подать списки интересующих его солдат из других подразделений для комплектования своего. Хотелось бы услышать про предстоящие планы по наступлению на Журжи, понять задачу в нём для своих людей, да и просто послушать, так сказать, последние сплетни и новости о том, что сейчас вообще делается в мире.

Генрих Фридрихофич принял Егорова буквально на ногах, весь он был какой-то недовольный, что называется, «на нервах». Как видно, в штабе сейчас шло серьёзное планирование предстоящей операции, и тратить время на кучку егерей у него попросту не было никакого желания.

– Списки оставляй, Алексей, людей тебе отдадут всех, каких ты тут запросил. Никуда наши местечковые князьки-командиры не денутся супротив приказа из главного квартирмейстерства армии.

– Гуляй, если определился во вторник. За приглашение, конечно, спасибо, но я уже говорил, что быть у тебя не смогу, так что ты уж меня извини покорно. Я тут не знаю, где и когда даже спать лягу, столько суеты сейчас с этим предстоящим походом. По вашей команде скажу только то, что пойдёте вперёд в авангарде. Вы и так там уже всё своими ногами истоптали, так что кому, как не вам, наши передовые отряды к крепостным бастионам выводить. Думаю, что через недельку-полторы уже к Журжи и двинем.

– Ну, всё, некогда голубчик, я тебя за пару дней до выхода вызову к себе, а пока давай ступай себе, я думаю, у тебя и у самого сейчас забот хватает.

Воспользовавшись оказией, Лёшка зашёл к интенданту Филиппову. Ничего «выцыганить» ему, конечно, там не удалось, всё, что было нужно и главное, что было можно, дядька Матвей и так уже перетасил в расположение команды. Так что под едкие замечания: «не положено», «ходят тут всякие, работать мешают вместо того, чтобы самим делом заняться», при-

шло ему ретироваться от этого сурового тыловики. Одно было хорошо, заметил он у старшего интенданта офицерский горжет на груди. Цвет поля и цвет ободка на нём были золотые, а у герба он был серебряный, что соответствовало майорскому званию.

«Так что, это он ещё мягко обращался сейчас с каким-то там „офицериком-прапорщиком“», – подумал Лёшка и столкнулся при выходе из здания с поручиком Светильниковым. Хотя нет, был он уже в звании капитана и, увидев Алексея, радостно ему заулыбался.

– Здравствуйте, господин прапорщик, надеюсь, узнали меня?

– Так точно, господин капитан, поздравляю вас с производством в вышестоящий чин, – вытянулся Алексей. – Помнится, когда вы меня принимали летом при вступлении в армию, так у вас ещё тогда чин поручика был?

– Именно так, Егоров, а я ведь ещё тогда пророчил тебе быстрый офицерский чин! Видишь, какая у меня рука-то лёгкая! – и Светильников самодовольно засмеялся, подкручивая свои бравые усики. – Ну что, пригласишь на обмыв своего первого офицерского горжета? Чай не зазнался ещё в начальствовании над отдельной командой? – и он эдак ехидно ему подмигнул.

– Никак нет! – фыркнул Лёшка, – во вторник буду вас ждать в «Зажаренном ягнёнке» в семь вечера, милости просим, господин капитан.

«Вот ведь навязался на мою голову», – думал он. Было в этом заведующим походной канцелярии, что-то такое неприятное, что-то интуитивно отталкивающее, но что это было, Лёшка пока не понимал. Однако слово было сказано, приглашение уже отдано, и самодовольный капитан, распрощавшись с егерем, зашёл в здание штаба.

Теперь следовало пригласить всех тех офицеров, с кем Алексею довелось служить весь этот год, пока он тут бегал в унтерах, и к счастью, тех, кого ему действительно было бы приятно видеть на своём торжестве. В первую очередь это касалось, конечно же, офицеров родного Апшеронского полка – Сенцова Серёги, Сашки Сеницына и бывшего ротного командира капитана Смолякова, а также командира апшеронских егерей Куницына Фёдора Семёновича. Хотелось видеть и офицеров штаба третьей дивизии графа Брюса, тех, с кем он, когда-то воевал на Кагульском поле: Светлова и Гридина, а из ахтырских гусар – ротмистра Гуцинского и поручика Белявского.

В команду уже влились четверо солдат из хороших стрелков-пехотинцев, и всех своих людей Лёшка решил брать с собою без разделения. С ними ему придётся идти в огонь и в воду, и, хотя в этом времени были огромные барьеры между сословиями, совсем отделяться от простых егерей он был не намерен.

«Слов нет, за одним столом с офицерами им, конечно же, не сидеть, но отдохнуть по-человечески эти ребята тоже достойны», – так он решил для себя, и своё решение озвучил на утреннем построении в понедельник.

– Ежели ты ещё раз, гадёныш, завтра нажрёшься у командира, то я тебя лично ночью вот этими самыми руками втихую придушу! – расслышал Лёшка, отходя от строя, самые страшные угрозы Макарыча, адресованные, конечно же, «Цыгану».

– А я горячих добавлю ещё! – слышалось теперь уже от другого авторитетного «старичка» – Карпыча. – «И я, и я, и я!»

Кто был готов подключиться к процессу воспитанию главного хулигана команды, было уже непонятно, но мало ему теперь точно не покажется! Пятнадцать «бывалых», прошедших бок о бок все последние сражения, имели на то право и явно имели моральный вес в команде.

Оставшиеся сутки егеря стирались, подшивали форму, вохрили, то есть натирали и подкрашивали сухой вохрой всю кожаную замшу амуниции и обуви, завивали и пудрили эти, такие ненавистные, букли и косу, в общем, приводили себя в идеально-парадный вид.

– А как же, как-никак ноне все в люди пойдём. Туда где только их благородия яства откушивают. Чай это вам «не хухры-мухры» там!

Сам вечер начался с торжественного поздравления молодого офицера самым старшим по чину из всех присутствующих. Премьер-майор Гридин традиционно провозгласил здравницу за матушку императрицу Екатерину Алексеевну, за славу русского оружия, а потом уже и за производство в первый офицерский чин прапорщика господина Егорова и за получение им в соответствии с этим 14 класса в Табели о рангах, утверждённой ещё полвека назад батюшкой-императором Петром первым.

– Чтобы шагать от класса к классу вверх по ступеньке, не задерживаясь! – рявкнул бывший командир Алексея, капитан Смоляков.

– Тосты не сдваиваем! – потряс указательным пальцем Гридин. – И вообще, Алексей, ты тут это, что там из своей чарки-то пьёшь?

– Нуу... сокату местную, – протянул Лёшка, краснея. – Да я вообще не пью хмельного.

– Ооо, и это наш brave русский офицер! – протянул громко на весь зал штабист Светильников. – Так дело точно не пойдёт! А ну, налейте господину прапорщику, как и положено, крепкого вина.

Делать было нечего, и как не противился Алексей, а все последующие тосты ему пришлось запивать уже хмельным. Пуританином он, конечно, и сам не был – в прошлой жизни всякое бывало, и традиция «поймать звёздочку на дне стакана с последней его каплей» была ему тоже хорошо известна, но одно дело, когда тебе скоро двадцать пять, а другое – когда шестнадцать. Алкоголь бил по непривычному к этому злу организму и сознанию, и скоро Лёшка понял, что он уже весьма пьян.

– От господ офицеров первой дунайской армии новоиспечённому прапорщику! – выкрикнул штабист Светлов и вручил Егорову прекрасную гусарскую саблю с небольшой кривизной лезвия, бронзовым закрытым эфесом и елманью – специальным расширением в верхней трети клинка, предназначенного для усиления её рубящего удара.

– Сталь золингеновская Лёшка, рубить изумительно будет, никогда не сломается и в бою не подведёт, – с видом знатока объяснял его первый егерский командир Куницын. – Нам ведь егерям в нашем особом деле шпага или палаш будут весьма неудобственны. Тяжелы они, да и в деле не больно-то их применишь, а тут она и мешаться-то на поясе не будет. И рубить ей одно удовольствие. Сам знаю, лично уже её испробовал для пушей уверенности на лозе. Она-то, эта сабелька, лёгкая, баланс у неё превосходный, я и сам бы такую хотел, да вот как-то к своей родной уже привык, – и он погладил эфес своей «венгерки». – А батюшкину шпагу ты, конечно, Лёшка, не забывай. Я ежели на какой-то там парадный случай или на представление иду, так тоже свою на пояс нацепляю, как никак это семейная реликвия! С моей-то шпагой ещё дед мой Евграф Илларионович под Нарвой и под Полтавой со шведом резался. Сам-то он из петровских потешных полков вышел, и своей собственной кровью первый благородный чин заработал. Во как братец – история! – и весьма подвыпивший офицер потряс указательным пальцем.

Играли на скрипках местные народные мелодии музыканты. Сновали по залу прислужники, разносящие напитки и кушанья. Гости отдыхали от души. Той первой скованности, какая бывает, когда соберутся вместе разные люди, здесь уже и в помине не было. В центре зала был сервирован стол для господ офицеров, а по бокам его расставили столы для солдат и унтеров. Чрезмерного винопития и дури среди нижних чинов не наблюдалось, как видно, до каждого было уже «популярно» доведено, «что», «сколько» и «когда» тут было можно.

Господа офицеры, как обычно, спорили о том, какой род войск был наиболее удачным. Гусары налегали на превосходство кавалерии перед пехотой, егеря считали, что точный огонь застрельщиков будет важнее лихого наскока конницы, Апшеронский пехотный не сдавался и грозил всем стеной штыков сомкнутого каре. Затем этот спор плавно переключился на другие темы, но Лёшка этого уже не слышал. Он свернулся калачиком на своём огромном деревянном стуле-кресле и посапывал во сне под жалобную мелодию валахов.

– Уморился с непривычки от хмельного зелья. Мы его благородие аккуратненько до дома снесём, ну что он тут со всеми-то мается, – стоял дядька Матвей перед Лёшкой. – Да и сами уже в своё расположение пойдём, чай вон ночь на дворе стоит.

– Давайте, братцы, давайте, – кивнул Гридин. – Тихонько его несите, не зашибите только командира. А мы тут ещё посидим с господами офицерами. Будьте здоровы, братцы!

– Неет, что вы, вашвысокоблагородие, не шелохнется даже наш господин прапорщик, – ответил Карпыч и укрыл Лёшку шинелью.

Егеря подхватили кресло своего офицера со всех сторон и буквально на цыпочках, чтобы невзначай не качнуть, вынесли его из заведения.

– Завтра всё в целости вернём, и по расчёту вы тоже не волнуйтесь, как только его благородие отдохнут, за всё, как вы и обговаривали, сполна рассчитается, – объяснялся с распорядителем «Зажаренного ягнёнка» Матвей Никитич. – У вас-то ещё и продолжение, как я погляжу, будет? – и он кивнул на разошедшихся к ночи офицеров.

– Да не волнуйтесь вы, уважаемый, придёте, как вам самим будет удобно. Мы ведь с вашим офицером всё уже обговорили заранее, и задаток свой получили. А по поводу тех гостинцев, что он заказывал, вот как раз их с собой и заберёте. И за этих гостей тоже не волнуйтесь, уважим и проводим всех с честью и с тем отношением, какое и подобает иметь к самым уважаемым людям.

Вот так и шёл строй егерей через весь ночной город к своей окраине, а посередине его мерно покачивалось большое дубовое кресло. Не один патруль так и не встретился им по дороге. Видно, у комендантских были и свои важные дела в это позднее время.

Глава 5. Три штуцера

Наутро Лёшка проснулся у себя в комнате, в постели, с раскалывающейся от боли головой. Рядом на одном стульчике стоял кувшин с холодной водой, а на другом, большом дубовом, сделанном в виде кресла и явно принесённом сюда из харчевни, лежала его аккуратно сложенная офицерская форма. К стульчику была приставлена подаренная вчера сабля в чёрных ножнах и родная батюшкина шпага.

Лёшка поднапрягся и вспомнил вчерашний банкет и тост майора Гридина за первое офицерское звание прапорщика Егорова, за его быстрый рост в чинах и требование офицеров наливать виновнику торжества крепкого хмельного. Лёшке резко поплохело и чуть было не вырвало от одной только мысли о спиртном.

«Какой кошмар! – содрогнулся он при мысли об испорченном вчера вечере. – И всё вот это было на людях, да ещё при своих нижних чинах. Даа, плохая была затея собрать всех в одной общей зале. И чувствую самое настоящее похмелье», – Лёшка поднялся и потянулся за одеждой.

– Господин офицер будет откушивать? – в светёлку заглянула хозяйка.

– Нет, Мируна, спасибо, я не хочу, – покачал головой Алексей и припал губами к кувшину с водой. Страшно хотелось пить, о еде даже и думать сейчас было противно.

– Как я вчера-то тут оказался? Ничего не помню, – и он посмотрел виновато на пожилую хозяйку.

– Господин офицер вернулся уже за полночь. Наверное, ему очень хотелось спать, и его солдаты занесли его прямо сюда в том кресле, что сейчас стоит посередине комнаты. Потом уже все вышли, а его раздел и всё здесь прибрал тот солдат, что был из них самым старым. Он очень хороший человек и ухаживал за господином офицером прямо как за своим сыном, а уж она-то понимает в этом, – рассказывала Мируна. – У неё и самой двенадцать детей было, и пятеро из них до сих пор живы.

Лёшка оделся по пояс и вышел во двор. Здесь он обтёрся свежевывавшим за ночь снегом, умылся захваченной в горшке водой и почувствовал себя вроде бы как даже получше. Сидеть и маяться головной болью на месте в этом сумрачном доме ему не хотелось. Перед подчинёнными в таком вот хвором виде тоже было как-то неудобно показываться. Тут бы ему помогла либо хорошая русская баня, либо приличная физическая нагрузка. И, выбрав из-за отсутствия первого второй вариант, Лёшка решил пробежаться вёрст эдак десять вдоль озёр Флоряска и Тей. Натянув на ноги укороченные сапожки в форменных егерских брюках и в исподней рубахе, Егоров выбежал за городскую окраину, что была всего-то в несколько сотен шагов от места расквартирования егерей. На улице никого из своих видно не было. По уже заведённому распорядку это было время для служебной подготовки, и, сбегая к озёрной низине, далеко в стороне он увидел знакомые фигурки солдат. Они перебежали, падали в снег, затем вставали и снова делали перебежки. Как видно, Макарыч с Егором гоняли команду по всему полю и учили егерей как боевому слаживанию между собой, так и приёмам общей егерской работы в бою.

Вдоль озёр шли хорошо протоптанные тропинки. Как видно, места эти были хорошо посещаемы, и теперь Лёшка потел, задав себе хороший рабочий темп в беге. Встречных было совсем немного. Протащил на волокушах сухие вершинки деревьев какой-то простолудин. Две пары женщин отбежали чуть в сторону, сбросив с плеч свои вязанки с хворостом. Возле озера Тэй, ближе к расположенному тут старинному монастырю, из буковой рощи вдруг вылетел навстречу десяток верховых. Алексей сначала было напрягся и даже взвёл курки пистолей в кобурах, но, разглядев в них казаков, продолжил свой бег дальше, прямо к всадникам.

– Стой! – услышал он крик первого чернородого казака. Кто таков сам будешь, и почему бежёшь тут нонче один?

Лёшка остановился около всхрапнувшей лошади и резко выдохнул:

– Прапорщик Егоров, особая отдельная егерская команда главного квартирмейстерства армии. До этого проходил службу в Апшеронском полку в егерях.

– Хм, – качнул с сомнением головой казак. – Третий донской полк, урядник, Сечень. А чем подтвердить свои слова можешь, мил человек? Не похож как-то ты на его благородие. Может быть, кого-нибудь из апшеронцев назвать сможешь да хоть, кто у полкового начальника там в денщиках состоит?

– Всё правильно, – улыбнулся Егоров, – просто так ничьим словам нельзя верить. Дядька Селантий там у Колюбякина Сергея Ивановича в фурьерском звании в денщиках есть. Да я и ваших кое-кого из станичников знаю. Того же есаула Писаренко Фёдора Ефграфовича и ещё там у него один урядничек есть и приказной казак со шрамом большим через всё лицо, имя вот только запомнил дядьки, – и Лёшка наморщил лоб. – Ааа, точно, Лутай у него фамилия вроде.

К уряднику боком притиснулся какой-то казачёк и, зыркая глазами на Лёшку, что-то там зашептал ему на ухо.

– Да ладно, этот, что ли, Платоху взгрел?! Хм, да и то правда, за дело тогда он его прочул. – И казачий командир убрал правую руку с изголовья своей шашки и отъехал чуть в сторону.

– Можете далее следовать, ваше благородие! Извиняйте, что не признали вас сразу, сами понимаете, мы в дозорном разъезде, а здесья человеке по лесу в одном лишь исподнем бжжит. Поневоле тут заподозришь чего худого. Емельян Архипович меня зовут, ежели ещё кто из станичников вас далее остановит, так вы на меня тогда ссылайтесь, гутарьте, что знаете Сеченя. А коли и далее про меня станут спрашивать, так говорите, что это тот самый урядник, что полковника Станислава Пулавского нагайкой выпорол, – и он с ухмылкой почесал свою густую бороду. – Тогда уж точно вам доверие будет, знают уж меня казаки.

– Спасибо, батька, – улыбнулся ему Лёшка. – Побежал я, холодно на месте стоять.

Мимо него с лихим посвистом пронёсся разъезд, а сам егерь, набирая с места скорость, понёсся дальше. С каждой верстой дышалось ему всё легче. Не было уже той мучительной головной боли, что тукала утром в висках, ушла тошнота, и снова появился аппетит. Как говорится, вся гадость с потом вышла.

Вернувшись в расположение команды через час, Алексей застал около дома дядьку Матвея и Иван Карпыча.

– Ваше благородие, разрешите доложить? – убелённые сединой унтера вытянулись по стойке смирно.

– Да вольно вам уже, – протянул смущённо Лёшка. – Нет же из рядовых никого рядом, что там у нас было-то вчера, рассказывайте. Да пойдёте лучше в дом, а то я разогретый после бега, не хочу застудиться.

– Да всё было пристойно, Ляксея Петрович, что вы тут волнуетесь, даже не сумлевайтесь ни в чём! – успокаивали мужики Алексея. – Что мы, без понятия совсем, что ли? Смекаем, что к хмельной дури вы не привычны вовсе. А закушать как следует-то ведь не успели, всё тосты да здравницы были эти, а вы-то как хозяин же там были, ну и как тут со всеми было не выпить? Мы-то Федьку смогли там сдержать, злодея. Он, как и все нижние чины наши, в строгую меру крепкого вина отпивал. Это уж под конец стервец хлобыстул втихую полуую чарку, пока там все отвернулись от него, но чинности, однако же, не потерял своей и не накуролесил там даже! – убаюкивал Лёшкину совесть Карпыч.

– Вся команда возвернулась в расположении за полночь в своём полном составе. А с утра после проверки, как и полагается, уже приступила к занятиям. Да вы и сами, небось, видели там нас на месте. Когда вы туды к озеру пробегали по этой тропке, мы как раз и отработывали навыки работы тройками, ну и вас тадысь тоже заприметили.

Всё было понятно Алексею, дядьки ветераны, унтера, держали его команду в ежовых рукавицах и никакой дури или праздного шатания в ней не допускали, поддерживая там строгий порядок и заботясь о своём молодом командире.

– Спасибо вам, Матвей Никитич, Иван Карпыч, – тепло поблагодарил он своих помощников. – Не знаю даже, как и был бы я, без вас, дядьки!

– Да что вы, Ляксей Петрович, даже не благодарите, – всплеснули руками ветераны. – Всё хорошо, всё, как и должно было быть, что ж мы – дурни и не понимаем чаво?! Только вот в харчевню бы вам надоть зайти опосля, да и нам бы этот «стульчик» туда возвернуть должно, – и они показали на массивное дубовое кресло, вынесенное из «Зажаренного агнёнка».

– Обязательно зайдём, – кивнул Лёшка. – Мне там с Думитру нужно рассчитаться до конца, да думаю, ещё нашего Ермолая после того хорошо было бы навестить. Три дня у него в госпитале уже не был, всё в заполошных бегах да в суете этой.

Ближе к вечеру «мебель» вернули на место. Алексей сделал полный расчёт в харчевне и приложил ещё в благодарность за прекрасно организованное торжество целый кроненталер, как говорится, «на чай» и на хорошее отношение для будущего. Стороны расстались весьма довольные друг другом. А команда из дядьки Матвея и трёх егерей направилась в штаб к Генриху Фридриховичу, нагруженная корзинами с гостинцами, как это ранее с ним и обговаривалось.

Сам же Егоров зашёл в госпиталь, организованный при лечебнице монастыря Колцей. В этом старинном монастыре и до этого монахи и до этого оказывали помощь больным и увечным, с организацией же военного госпиталя работа монастырской братии по уходу за больными и ранеными переплелась там с работой и русских военных медиков. В больших залах со сводчатыми высокими потолками стояли длинными рядами деревянные кровати-лежаки, на которых-то и лежали все страждущие.

Военные лекари и монахи делали по длинным рядам обходы, останавливаясь то около одного, то возле другого больного. Слышались их негромкие голоса, хрипы, кашель и стоны бедолаг. Кому-то они вливали в рот какие-то жидкости, кого-то переключивали на другой бок, чтобы избежать пролежней, а других уносили в операционную или же и вовсе в мертвецкую.

Военные медики этого времени уже неплохо знали хирургию и анатомию тела, используя в своих операциях разнообразные ножи, «ланцеты кровопущаные» и «буравы», применяли они ножницы, «снасти костоправные с верёвками», щупы, пилы и пилки, долота, клещи и многие прочие особые инструменты. Искусные лекари-хирурги военно-полевой медицины умели уже в этом времени резать живот, ампутировать конечности и удалять омертвевшие части тела, ими даже производилась даже трепанация черепа. Подобно западноевропейским медикам, они прижигали «по старинке» раны калёным железом и использовали в своём лечении травяные мази, крепкое спиртное и золу. Оперлируемый традиционно усыплялся или обезболивался настоем корня мандрагоры, опийного мака или же попросту несколькими чарками крепкого хлебного вина. Было уже понимание о стерилизации инструментов, которые обязательно перед применением прокаливали в огне. Швы на теле раненых и оперлируемых прошивались тонкими волокнами льна, а в полевых условиях медики умели вынимать металлические осколки с помощью магнитного железняка. Начинали в столичных госпиталях даже делаться простейшие протезы для увечных.

В лечебницах и госпиталях медицинская помощь оказывалась не только раненым, но и заболевшим цингой, лихорадкой, золотухой и коростой или больным с так называемыми пильными болезнями, то есть болезнями суставов и с «чепучичными», то есть венерическими заболеваниями, а также с «проносной», желтухой, рожей, астмой и многими прочими.

Было уже такое понятие, как высоко заразные заболевания и предупредительные карантинные меры. В этом монастыре людей как-то старались отделять по всем этим видам, груп-

пируя их в отдельных залах или же рядах. В полуподвальных помещениях содержались те, у кого было подозрение на заразу, это был своего рода местный карантин.

Алексей присел на поднесённую для господина офицера лавку возле топчана своего солдата. Был Ермолай пока ещё очень слаб от большой потери крови, но сильный организм егеря и уход делали уже своё дело, и можно было надеяться, что теперь он точно пойдёт на поправку.

– В ранах гноя нет, господин прапорщик, а это самое главное в таком деле. Хорошо, что их сразу взрезали и прочистили до госпиталя и потом ещё крепким хмельным хорошо залили, – пояснял госпитальный врач, – Следим мы за вашим егерем, словно за человеком из благородного сословия приглядываем, так что не сомневайтесь даже, уход за ним по самому высшему разряду у нас поставлен. И вам спасибо за ваше участие и за вашу посильную денежную помощь.

– Спасибо Дементий Фомич, – поблагодарил его Егоров. – Вы уж поставьте мне его на ноги поскорее. Добрый он солдат, а это вам за труды и ему на какое-нибудь лекарство получше, – и Лёшка незаметно сунул доктору в руку кроненталер.

– Что вы, что вы, Алексей Петрович, не надо ничего, мы и так ведь присматриваем за ним, всё как положено, да вы и так-то уже нас отблагодарили давеча.

– Ничего-ничего, возьмите, уважаемый, обратно, всё равно не приму, – покачал головой Лёшка, и врач с благодарностью спрятал серебряный в карман.

– С вашего позволения я пойду на обход. Нам с утра трёх новых гусар из дальнего дозора привезли, посечённых, не знаю уж, как и получится, что там дальше с ними. А в Ермолае своём вы не сомневайтесь даже, присмотрим мы всемерно за вашим солдатом.

– Вот так, Ермолай, команда наша разрастается теперь. Каждый день теперь новые люди из пехотных полков подходят, – рассказывал егерю последние новости Алексей. – Все со старыми фузейками и с негожей амуницией в основном к нам идут. Видать, командиры тех солдатиков осерчали и в обидках на нас пребывают. Как же, им ведь приходится своих хороших стрелков неизвестно куда отдавать. И не хочется, а надо, в приказе ведь чётко чёрным по белому прописано, из какой части и кого выделить в главное квартирмейстерство армии. Ничего более там про оружие и амуницию не сказано, вот они и выталкивают их с самым что ни на есть негодным. Да и ладно, у нас-то всё уже налажено с интендантством, так что и одежду, и оружие гожее мы тут же своим новеньким поправляем. Сейчас вот команда сбивается, слаживается, вообще из полей не вылезает. По секрету тебе скажу, скоро выход намечается. Вот и хочется, чтобы уже до него ребята притёрлись к друг дружке.

– Ляксе́й Петрович, ну забери ты меня отсель. Мочи моей уж тут нет вылёживаться дальше. Я у нас на постое в команде быстрее на свои ноги встану, чем вот здесь, – прошептал Ермолай.

– Что-то по уходу не так, а, может, тебя лечат или кормят плохо? – встревожился Егоров.

– Да всё хорошо, вашблагородие, больше, чем за другими, тут присматривают, – покачал головой раненый. – А всё же не своё, всё вокруг чужое здесь. Заберите меня, Ляксе́й Петрович?

– Ладно, давай тогда так Ермолай, – принял решение Лёшка. Как мы из этого дела вернёмся, так я сразу же к доктору подойду и перед ним за тебя просить буду. А ты за это время постарайся чуток ещё силов набраться. И вот ещё это тебе, – и он сунул под одеяло раненого флягу разбавленного с отваром шиповника сухого красного вина. – Сильно не увлекайся только, по паре глотков выпил, и всё. Это тебе привет от наших ребят, и вот мешок ещё с фруктами, ели нашли по зиме свежие, с чудным запахом, так что ты давай поправляйся, Ермолай.

Следующим и последним на сегодня местом, которое ему требовалось посетить, был дом оружейника из Силезии Отто Карловича. Все сроки на те работы, что ему требовалось провести по починке имеющихся у него штуцеров да подготовке их к работе, уже прошли, и Алексей к нему направился сразу же после госпиталя.

Хотелось кроме того Лёшке увидаться и с симпатичной внучкой мастера. Частенько вечерами вспоминались ему её яркие зелёные глаза и весёлый искристый смех. Этот милый образ даже немного потеснил собой ту, которую он считал когда-то своей невестой ну или хотя бы возлюбленной.

Мастер был дома и сам лично принял вечернего посетителя.

– Прибыли, господин унтер-офицер? А я буквально вчера закончил работу с вашим заказом. – Отто Карлович оглядел Алексея с головы до ног и, заметив офицерский горжет с шарфом на его зелёном доломане, всплеснул руками, – Вот же я старый дурень! И не заметил ведь сразу изменения в вашем облике! Нет, не зря я удивлялся вашим манерам и знаниям! Благородного человека, его всегда и везде видно, даже если он и занимает пока свой невысокий чин. Поздравляю вас, господин... – и он сделал паузу.

– Отто Карлович, для вас я просто Алексей, – улыбнулся Егоров. А офицерский чин у меня самый невысокий, и он всего лишь прапорщика. Так что просто Алексей, и если позволите, то никаких армейских званий.

– Ну что же, Алексей, как вам будет угодно, – кивнул, соглашаясь, старый оружейник.

В это время в комнату из глубины дома впорхнула девушка с развевающимися светлыми локонами и поприветствовала гостя, сделав книксен.

– Добрый день, Алексис! Вы, как и обещали, снова пришли в наш дом? Где же вы столько времени были, а я ведь вас так ждала? – совершенно непринуждённо щебетала она.

– Анхен, прекрати сейчас же кокетничать с господином офицером, – нахмурившись, повысил свой голос дедушка. – Он здесь по делу, а ты нам сейчас только мешаешь. Если тебе уж так невтерпёж с ним поговорить, то выбери на это время уже после нашей деловой части, если, конечно, господин сам сообразовит на это. И вообще, веди себя прилично, Анхен, ну ты же девица!

– Тогда если вы позволите, дедушка, то я вам сварю кофе. – и после милостивого кивка мастера, бросив свой лучистый взгляд на Лешку, она опять упорхнула вглубь дома.

– Эхе хех, – покачал головой старый Отто. – Подросли уже мои внуки. Старшего, Курта, женить вот давно пора, да и эта стрекоза совсем скоро у меня на выданье будет. Вы уж не обижайте девицу, господин офицер. Одна отрада у меня – она да её старший непутёвый брат. Сам их без отца и без матери вырастил.

– Не беспокойтесь, мастер, я вас прекрасно понял, – кивнул Лёшка. – Уверяю, ничего более, чем мимолётное общение и беседы. Да и у меня есть девушка, которая, как я надеюсь, меня ждёт, – и перед глазами Алексея встал образ Машеньки Троекуровой.

– Очень хорошо, – улыбнувшись, развёл руками Отто Карлович. – Тогда приступим к нашим делам, господин офицер?

На дубовом столе перед Лёшкой лежали оружейные изделия, которые он месяц назад заказывал здесь же. Но как же они отличались от того, что он тут ранее видел! Из пяти имеющихся образцов штуцеров оружейник собрал три, и все они сейчас блестели начищенными до блеска латунными частями и сталью стволов.

– Всех меньше проблем мне доставил вот этот вот прусский штуцер, – пояснял своему клиенту господин Шмидт. – Тут я всё тщательно проверил, немного довёл до ума его казённую часть, заменил в замке треснутый курок, и вот он уже перед вами.

– Чуть дольше мне пришлось повозиться с вашим русским, тульским штуцером. В нём мне пришлось поменять всю его деревянную часть разбитого приклада с ложем. Потом ещё было нужно напаять мушку на ствол и сделать крепление под кинжальный штык, который я приспособил сюда с австрийского штуцера. Да, ещё я укоротил фузейный шомпол и переделал его головку под диаметр ствола, и теперь он совершенно органично вставляется под крепление ложа. Вот вам и история рождения этого второго штуцера. Ну и всех больше мне трудностей доставил тот последний штуцер, что мне пришлось собирать из имеющихся трёх австрийских.

У каждого из них были существенные поломки и дефекты, так что пришлось хорошо поломать голову, как же всё здесь можно уладить. Ну и вот что в итоге у меня вышло, – и мастер с любовью погладил массивный нарезной ствол и тёмное ложе укороченной винтовки. – Подержите-ка его в руках, Алексей!

Лёшка взял на руки «австрийца», открыл крышку замка, затем взвёл и щёлкнул курком, наблюдая, как его кремьень выбивает искры об огниво. Оглядел глубокие нарезки массивного винтовального ствола. Всё в нём было исправно и надёжно отремонтировано.

– Не сомневайтесь, я всё здесь тщательно собрал и уже десятки раз все их проверил. Теперь эти штуцера даже ещё надёжнее будут работать, чем при самом выходе из оружейной фабрики. Это я вам, Алексей, гарантирую как знающий своё дело человек, – произнёс мастер, выкладывая на стол длинный клиновидный штык-тесак. – А это для самого последнего штуцера. Австрийцы в последнюю четверть века столь впечатлились эффективностью штыкового боя, что на все свои штуцера вот такие вот огромные тесаки ладят. Я уж не знаю, есть ли вообще в этом всём смысл, но пусть уж у него будет родной. Тем более что тут все заводские крепления на своём месте и находятся в исправности.

– Дедушка, ваш кофе, и я ещё своё печенье вам принесла, – и Анхен поставила поднос на стол прямо перед мужчинами. Она явно хотела остаться в комнате, но дед так строго зыркнул на девушку, что та покраснела и быстро упорхнула, не рискуя более задерживаться.

– Братца позови сюда, пусть заглянет к нам через минут десять, как только мы кофе попьём, – крикнул ей вслед Отто и показал Алексею на стол, – Присаживайтесь, Алексей, внучка печёт прекрасное печенье с корицей, отведайте их как мой гость. Хорошая из неё жена будет, вот уже несколько лет она за главную хозяйку в доме и стряпня, и уборка, да и вся домовая работа теперь на её плечах лежит. Где бы вот только мужа хорошего для девицы найти. Думаю, этим летом к родственникам в Моравию отправиться. Большую часть пути можно бы и по Дунаю проплыть, а там вверх по Мораве, и уже до Судетов будет недалеко. Лишь бы только этот начальный нижний участок можно было спокойно миновать, а там уже дальше спокойно будет. Как вы думаете, Алексей, летом в Валахии опять будут боевые действия идти, или же ваши армии уйдут на юг ближе к Стамбулу, а тут всё будет тихо?

– Сомневаюсь я, господин Отто, насчёт спокойствия, – покачал головой Лёшка. – Здесь спокойствия ещё лет сто, наверное, с хорошим таким хвостиком ждать. Думаю, долго ещё эти земли будут оставаться ареной борьбы между Австрией, Османской и нашей Российской империей. Так что вы уж аккуратнее с этими путешествиями. С приходом тепла и с открытием дорог основные боевые действия, как правило, вновь разгораются.

– Тоже верно, – согласился немец, – переселяться нам, похоже, отсюда будет нужно. У моего брата хорошая оружейная мастерская в Моравии есть. Думаю, принял бы он меня в дело, и я там потом обосноваться бы со своими внуками. Я и сам смотрю, как же тут в последнее время опасно стало. Раньше-то, при твёрдой власти оттоманов, как-то здесь всё-таки спокойно было, главное, чтобы ты им налоги исправно платил да на глаза лишний раз не лез. А сейчас и не знаешь даже, откуда и какая беда к тебе придёт. Вы уж меня извините, Алексей, я ведь ничего не имею против самой власти России над всеми этими землями, – встрепенулся встревоженно старик. – Я, наверное, сейчас не совсем правильно выразился. Просто ведь для простых мастеровых людей самое главное, это чтобы были мир, спокойствие и устойчивость. Чтобы можно было быть уверенным в своём завтрашнем дне. Чтобы жить и работать, не боясь за свою жизнь и за жизнь близких.

– Согласен, Отто Карлович, самые правильные и естественные желания у вас, жаль только вот, что не всегда они совпадают с нашей реальностью, – Алексей допил кофе и поставил чашечку на поднос.

В этот момент послышался топот и в комнату вошёл брат Анхен – Курт. На парне был одет кожаный фартук и длинные нарукавники.

– Здравствуйте, господин! Дедушка, ты, что-то хотел? – серые глаза парня смотрели на деда вопросительно.

– Господин русский офицер пришёл за своим заказом, – кивнул на Лёшку оружейник. За той винтовальной пищалью, Курт, над которой мы с тобой столько помучились. Вот и принеси её нам сюда вместе со всеми теми приспособами, что к ней прилагаются.

Через пару минут перед Алексеем было то самое нарезное ружье, о котором шла речь, и он его сейчас просто не узнавал. Само по себе длинное и громоздкое, почти что высотой в рост взрослого человека, сейчас оно смотрелось гораздо более аккуратным и привлекательным, чем ранее. Изменился и сам цвет её ложа – с красно-коричневого на более светлый. Приклад тоже уже не был таким массивным и толстым как до этого.

– Первое, что пришлось тут изменить, так это само деревянное ложе с прикладом, – объяснял мастер. – Старое, когда его здесь дорабатывать начали, показало, что там есть несколько глубоких трещин ближе к стволу. Думаю, ещё пару десятков выстрелов, ну от силы три, и на всю свою длину оно бы непременно треснуло. Видать, удар по нему был в своё время серьёзный, да, может, и не один он был даже. Дерево-то родное там весьма годное было, бубингом оно называется, может быть, вы слышали о таком? Его из Западной Африки от реки Санага, что в Камеруне, протекает, потом по морю вывозят. Эта древесина сама по себе драгоценная со своим красивым насыщенным цветом и с выраженной текстурой в розовых и в красных прожилках. Она вообще очень твёрдая и тяжёлая, хотя и обрабатывается относительно легко. Именно из этого дерева и делается драгоценная мебель и утварь для многих высоких властителей, так что даже из-за такого ложа ваша винтовка, Алексей, была как драгоценность. Вот оно, это старое ложе, можете забрать его с собою, – и мастер кивнул на старую деревянную часть оружия, лежащую на столе.

– Да зачем она мне? – покачал головой Лёшка. – Что я ей топить, что ли, очаг в избе буду? Может быть, оно вам где-нибудь в вашем деле сможет пригодиться?

– Спасибо, – согласился Отто. – Это очень хороший подарок. Как накладки для холодного оружия или ещё для чего-нибудь, думаю, из старого ложа что-нибудь да можно выбрать. Нет, точно не откажусь я от такого подарка, – обрадовано произнёс мастер. – А на винтовку эту мы с Куртом сами сделали прекрасное ложе из местного ореха. Приклады из него вообще обладают идеальным сочетанием свойств жёсткости и лёгкости. Сама структура этого дерева такова, что позволяет выдержать без разрушения огромное количество выстрелов, ну и соответственно с этим же и отдач. Приклад здесь удобный, как раз под плечо выточен, всё как вы и просили сделать.

И Лёшка, приложив его к себе, действительно почувствовал удобство и плотность его прилегания.

– Текстура дерева тут красивая, правда, чтобы немного его затенить, мы его немного тонировали, но всё равно оно здесь смотрится шикарно, – расхваливал свою работу мастер.

Лёшке всё нравилось, особенно те упоры-сошки, что мастер по чертежам Алексея изготовил и закрепил снизу. Винтовка стала гораздо легче, удобнее и устойчивее, и он, оставшись весьма довольным работой умелого мастера, с удовольствием рассчитался с ним ранее обговоренной суммой в кроненталерах.

На выходе за калиткой его ждала Анхен, и, воркуя с милой девушкой, Лёшка с трудом удерживался, чтобы не переступить тот порог дружеского общения, что только недавно был им обещан её деду. Лучше было бы, конечно, сказать ей всё как есть, что есть у него далеко на севере та, которая обещала его любить и ждать. Что закончится эта война, и он поедет к ней свататься в офицерской форме и при заслуженных регалиях. Ругал Алексей себя за малодушие и не мог ничего сказать. Так и ушёл он к себе в расположение, неся на плечах тяжесть нескольких штуцеров, какую-то тихую печаль и сумятицу на сердце. А Анхен долго стояла у

калитки и смотрела вслед Лёшке, по щеке у девушки катилась слеза. – «Он ещё вернется, мой Алексис, обязательно вернётся», – шептали её губы.

Глава 6. Подготовка к выходу

Десятого февраля около полудня, когда утренние занятия егерей уже подходили к концу, и нужно было выдвигаться для обеда и передышки в своё расположение, к Лёшке подскочил вестовой из главного квартирмейстерства и потребовал срочно проследовать с ним в штаб.

– Сегодня десятое февраля, Алексей, – ставил ему задачу барон фон Оффенберг. – Не позднее пятнадцатого числа формируемая для штурма дивизия генерал-аншефа Олица пойдёт на юг в направлении крепости. Вы со своими егерями под Журжи уже хорошо отметились, и все подходы там отменно изучили. Так что будете в авангарде выводить наши войска в предместья, а потом можете и принять участие в самом штурме бастионов. Люди у тебя, надеюсь, готовы к делу?

– Команда практически сформирована, господин подполковник, – докладывал Егоров. – Все десятки уже сбиты и прошли боевое слаживание. Больше двух недель ведь из полей не вылезали. Выкупили три ремонтных штуцера, и теперь их у нас общим числом десять штук будет. Ещё бы штуки три-четыре и у каждой тройки было бы по нарезному ружью, всё, как мы и задумывали с вами, – и он эдак хитро посмотрел на своего куратора.

– Не жадничай, – усмехнулся Генрих Фридрихович. – Ни в одной егерской команде империи, даже при учёте столичных гвардейских полков, нет такой насыщенности винтовальным оружием, а тебе, я гляжу, всё мало.

– Так-то столичные бездельники, ваше высокоблагородие! Им-то по дворцовым паркетам лишь ножками шаркать, да ещё и в кабаках со своими собутыльниками воевать, – улыбнулся Лёшка. – А нам здесь своими сапогами снега и грязь месить и еще потом османских командиров на самом поле боя прямым прицелом выбивать. Где же штуцера-то нужнее?

– Везде нужны, – отмахнулся барон, понимая, что в диалектике этого спора он сейчас явно проигрывает молодому офицеру. – Не нам с тобой судить, господин прапорщик, куда нарезное оружие нашим властям и сколько всего поставлять. Ты вот подумай лучше, как наши конные авангарды к самой крепости лучше вывести, да где пройти подальше незамеченными, а потом как их дальним и точным огнём понадежнее прикрыть, – и он кивнул на карту. – Как сам-то думаешь действовать?

Алексей подошёл к большой карте, расстеленной на столе. Была она значительно лучше той, что он в своё время видел в кабинете у главного квартирмейстера. Похоже, команда военных картографов хорошо потрудилась за прошедшие полтора месяца, да и он сам к этому руку приложил в том последнем и рискованном поиске.

Лёшка наклонился и внимательно взгляделся в неё и, простояв так молча минут десять, только лишь шевеля губами, да что-то, как видно, прикидывая.

– Какой масштаб её, господин подполковник, сколько на толщине пальца по этой карте вёрст будет?

– Хм, ну где-то около пары, это точно, хотя ведь и палец пальцу рознь. Карта-двухвёрстка, на один дюйм здесь по две версты приходится. То есть от Бухареста до Журжи по прямой это где-то около пятидесяти дюймов по этой карте, – объяснил барон.

– Понятно, – кивнул Лёшка. – Так вот, примерно на половине пути там стоит озеро Будени. С обеих сторон в него втекает и из него же потом вытекает речка, это место, как вы знаете, и является тем самым рубежом, где и соприкасаются наши конные дозоры с вражескими. Минуем мы это озеро и речку, а дальше уже начинается большой лесной массив, – и Егоров приложил ладонь на карту. – Лес тут довольно густой, и кавалерии по нему только лишь по лесным дорогам можно пройти. Мы разведали там парочку, кроме основного тракта, но через все их конные разъезды турок постоянно проходят и осматривают. Сомневаюсь, что большим отрядом мы там вообще проскочить сможем. Другое дело батальону-другому егерей

просочиться тихонько по лесу, да и то, пожалуй, скорее всего, всполошим мы там османов. Учли уж они, небось, тот наш прошлый урок. Ну так вот, после пути вёрст двадцать лесом начинается примерно столько же, но только довольно открытого пространства лесостепи, и уже потом, собственно, и будет та самая Журживская крепость.

– Так, так, так, – постучал пальцами о стол Генрих Фридрихович. – То есть ты хочешь сказать, что тайно за этот лесной массив вам уже не выйти?

– Не выйти, господин подполковник, – подтвердил Лёшка. – С боями, да ещё и выбивая все те заслоны, которые уже оседлали эту дорогу, можно, но для этого ведь удобнее пеших стрелков использовать, чем кавалерию, ей там просто негде будет развернуться.

– И сколько мы в этом лесном массиве провозимся, если турки там хорошо укрепятся? – задал снова вопрос главный картограф.

– Ну, наверное, долго, – пожал Лёшка плечами. – Главное, им там засеки наделать да стрелков в них поболее выставить. Пока наши пушки туда не подтянешь, как вон мы в своё время под Бухарестом сделали, да пока там всё не перемешать в кашу, целую неделю в этом лесу можно будет проковыряться.

– Вот то-то и оно, неделю, и это только в самом лесу, а нам командующий на весь марш только лишь четыре дня даёт, пока к османам под эту Журжи подкрепление из-под Бургаса не подошли, – с досадой проговорил фон Офферберг. – Что ещё можно было бы сделать, чтобы ускорить всё это дело? Может, попробовать вам как-нибудь в тыл с другой стороны зайти, пока нас турки по основным лесным дорогам будут ждать? Так опять же конница по лесу не ходок, обсуждали здесь уже.

Лёшку что-то зацепило в словах своего «куратора», и он заелозил перед картой, грубо на ней прикидывая. Затем хмыкнул, поглядел с интересом на своего собеседника и сощурил глаза:

– А вы ведь правы, вашвысокоблагородие, есть здесь один вариант. Только додумать его, конечно, нужно, да и порасспросить ещё местных валахов подробнее. Помните, мы пару месяцев назад свой прошлый выход за языком готовили? Так я у своих проводников обо всей местности, что лежит перед этой самой крепостью, допытывался. Одним из вариантов тогда было выйти к ней восточнее, хорошо так огибая само озеро и забирая ещё крюком вправо по реке. Там есть одна старинная заброшенная дорога на Силистру, это бывший древний Доростол, и по ней-то и можно было выйти за лес восточнее Журжи. Правда, и крюк там сразу же на вёрст эдак пятнадцать и даже более того увеличивается, – и он с сожалением вздохнул. – Да и открытых мест там гораздо больше, чем западнее. Это-то и было той главной причиной, почему мы прямой путь тогда выбрали, а не пошли восточнее. А сейчас при конном прикрытии вполне можно было бы и там попробовать пройти. Конечно, и турки про эту дорогу должны знать, небось, тоже дозорами по ней проходят, а, может, и вовсе даже заслоны на ней выставили.

– Интересно, интересно, – фон Оффенберг внимательно разглядывал карту. – Говоришь, при конном прикрытии там пройти будет можно, но будут мешать разъезды и заслонные отряды? А вот давай представим только, что турки встречают наши основные силы на прямом пути, готовятся максимально их задержать и обескровить их боями в завалах и на засеках. А тут вдруг до них доходит весть, что большие силы русских обошли их с правого фланга и теперь заходят им в тыл, отрезая всех вот в этом лесном массиве, – и Генрих тоже как, когда-то и Лёшка, прикрыл его своей большой ладонью. – А с фронта по лесу атакуют батальоны егерей и команды стрелков-охотников из пехотных полков, да ещё и лёгкие орудия по дорогам завалы рушат. В общем, настоящий ад в лесу творится, и скоро ещё по ним с тылу ударят, что тогда османы сделают?

– Так известно что, вашвысокоблагородие, – усмехнулся Егоров. – Побегут тогда османы. К своим основным силам в крепость оттянутся, чтобы только их в лесу всех не вырезали. Не любят они в лесу воевать.

– Вот и я тоже так же думаю, – кивнул, соглашаясь с ним барон. – Этот вариант мы тут в штабе ещё хорошенько доработаем и тебе уже перед самым выходом всё потом скажем. Держи это всё при себе, Алексей! Для всех посторонних ушей мы сейчас прорубаем прямой путь на Журжи по тому пути, где вы уже в своё время проходили. Это, кстати, можно не от кого уже не скрывать, всё равно уже, похоже, все, кому нужно про то знают и про то, что армия к большому выходу здесь готовится, – и он, нахмурившись, задумался о чём-то своём.

Лёшка заметил перемену настроения своего начальника и, уловив его мысль, аккуратно переспросил, – Генрих Фридрихович, я так понял, что у нас здесь утечка информации?

Барон тяжело на него посмотрел и после долгой паузы ответил:

– Несколько наших конных партий и разъездов попали в засады, пропала также пара важных фельдъегерей с бумагами. Мы сделали вывод, что в штабе армии работает шпион. Баранов и его люди «землю роют», но результатов от них пока никаких нет, слишком хорошо скрывается этот гад, осторожный, глубоко сидит. Поэтому исходить будем из того, что он и к тебе, и к твоим людям тоже присматривается. Прикидывает, куда вас готовят и куда направлять будут. Так что ты погляди сам, кто рядом с вами крутиться будет и, как я уже говорил, сделай так, чтобы все знали, что особая штуцерная команда по основному лесному тракту всё наше войско поведёт, и именно там, где уже до этого сама весь этот путь разведала.

– Ага, – подумал Лёшка, – это господин барон называется «деза», то бишь дезинформация противника. Ну что же, с удовольствием вам подыграем.

– Ладно, до запланированного выхода у вас ещё пять дней есть, Алексей. Что ещё у тебя, может, вопросы есть какие-нибудь по команде? Только про штуцеры, пожалуйста, больше не начинай! Нет у меня больше для вас лишних, – и Генрих ухмыльнулся.

– Эх, – сделал комически трагичное лицо Лёшка, – а я-то ведь надеялся! – Затем снова стал серьёзным и посмотрел на собеседника. – По штуцерам я всё понял, господин подполковник. По людям мы всё набрали с полковых команд по тому списку, что я уже ранее вам подавал. Переделали, вооружили в главном интендантстве всех без проблем, за то спасибо майору Филиппову, которого вы нам порекомендовали. Все вопросы, с какими мы к нему обращаемся, он решает быстро, – и усмехнулся, вспоминая свои диалоги у тыловика. – И только лишь строго по уставу и по закону. Ничего лишнего, всё, как и положено.

– А как же, – кивнул Оффенберг. – Конечно, по уставу, а то думаешь, до него не дошла та мутная история, как вы во второй армии нарезными стволами обзавелись. Ладно, продолжай, что ещё хотел дальше сказать.

– Ну, так вот, – продолжил Егоров, – по хорошим стрелкам проблем у меня нет, одну только должность я не могу укомплектовать – это барабанщика команды. Нам егерям как так-вые барабанщики-то не особо нужны. Понятно, что в строевых ротах, батальонах и в полках, где установлен темп марша сто шагов в минуту, и где есть церемониальные марши и десятки специальных сигналов, эта должность ещё как работает. У нас же изначально её вводили под грамотного человека, кто бы свою канцелярию вёл ну и вообще сведущ был бы в разных науках, тут уж отдача сигналов вторична. А только где бы такого взять, грамотного да разумного, я сейчас просто ума не приложу. Солдаты-то умелые есть, а вот грамотных среди них днём с огнём не найдёшь. Только и умеют крестики вместо росписи в списках ставить, ну и по памяти рассказывать, что они на слух запомнили. А был бы таковой, так научить его немного, и он бы в наших походах даже и местность на планшет накидывал. Все, какой-никакой, а первый план бы для наших картографов уже был бы, – и он украдкой, эдак хитро, взглянул на барона.

– Ну, ну, – усмехнулся подполковник. Ты это, значит, о своём командире всё думаешь, заботишься, да? Ладно, хитрец, посмотрю я, что для тебя сделать можно будет. Только гляди, я ведь тебя за язык не тянул насчёт съёмки местности. Потом, как поспокойнее станет, пришлешь его в штаб заниматься этой наукой, и правда ведь вам такой человек не помешает, как знать, вдруг далеко вас придётся на разведку отправлять, не всё же вам своего Милюткина на

съедение отдавать. Вон он бедолага, до сих пор прийти в себя не может от прошлого выхода. Ладно, иди уже и помни о том, что и с кем тебе можно говорить.

– Два дня нам господа егеря на оттачивание навыков боя в лесу, – прохаживался перед строем своей команды Алексей. – Боевые тройки у нас сбиты, новые штуцера у Вани Кнопки, Трифона и у Кузьмы пристреляны. Гренады кидать все научены, вооружены и экипированы, как и положено. Так что к делу, я полагаю, все мы готовы. Наша команда скоро пойдёт передовым авангардом по лесу, путь нам там уже известен, как мы там дрались, наши старички хорошо помнят, а новеньким, что недавно в команду пришли, если они это не рассказывали, так ещё всё расскажут. Так вот, потом я даю вам три дня на то, чтобы подшить и подогнать под себя маскировочные балахоны, подшить всю обувь, шапки, рукавицы и всю свою одежду с амуницией. Нужно будет налить пули и накрутить побольше патронов, потом мы покупаем походный порцион – и в путь.

– А пока. Команда, становись! Команда, равняйся! – и строй егерей замер чуть шелухнувшись. – Смирно! Приступаем к полевым учениям! Вольно, разойдись!

Егеря привычно порскнули в стороны и начали разбиваться по боевым тройкам, где во главе каждой был свой стрелок-штуцерник. Таких сейчас было девять: тройка старичка Карпыча, тройка белобрысого Егора, тройка здоровяка Тимофея и малыша Вани Кнопки, Фёдора Цыгана, Кузьки, Трифона, Потапа и сербов во главе с Милошем. Остальная часть команды составляла резерв и была готова усилить любое из направлений.

– Первый пошёл! – крикнул Федька и, присев на колено, взял штуцер на изготовку. А его фузейщик из новеньких, Степан, перебежав около десятка шагов, упал на оба колена и прижал гладкоствольную фузею к плечу.

– Второй пошёл! – и второй фузейщик из новичков, Ильюха, рванул в перебежку.

– Первый, бей! – И Степан щёлкнул вхолостую курком. – Заряжай! Не тяни! – и, выхватив шомпол, Степан начал демонстрировать весь пошаговый процесс перезарядки гладкоствольного ружья. Вот он, наконец, щёлкнул курком, поставив его на боевой взвод. – Оружие к бою готово!

– Ильюха, бей! Твой напарник тебя уже прикрывает.

– У меня цель! – вдруг громко рявкнул Федька и, тщательно прицелившись из штуцера, сам щёлкнул курком.

То же самое, что было у Цыгана, делали сейчас и все боевые тройки команды.

Резервная же семёрка из самых слабых стрелков в это самое время вела огонь по мишеням в отдалении, нарабатывая личные стрелковые навыки. Командовали там двое из самых старших егерей, дядьки Вани: Карпыч с Макарьчем. Бах! Бах! Бах! – слышались оттуда хлопки фузейных выстрелов, да доносились обрывки каких-то обидных ругательств для самых нерадивых.

– Ваше благородие, разрешите обратиться! – со стороны городской окраины по тропинке подошёл молодой солдатик в форме пехотного полка и, вытянувшись по стойке смирно, отдал офицеру честь.

– Обращайтесь, – кивнул Лёшка, внимательно его оглядывая. Был пехотинец аккуратно одет, накрученные и напудренные букли, коса, перехваченная чёрной лентой, амуниция и обувь, всё выглядело у него по-уставному. Глаза же солдата смотрели совершенно спокойно и с какой-то лёгкой усмешкой, без того привычного подбострастия, что ли, скорее, как на себе равного.

«Интересный солдат», – подумал про него Егоров, уже внутренне ему симпатизируя.

– Барабанщик третьей роты Муромского пехотного полка рядовой Гусев Сергей. Прислан к вам на беседу по приказу своего полкового командира, для определения своей годности к

службе в вашей команде. При невозможности приёма велено немедленно возвратиться в свою часть, – чётко доложил пехотинец.

– Однако, – протянул озадаченно Лёшка. – Не всякий унтер у меня так складно доложиться сумеет. Из грамотных, похоже, сам?

– Так точно, ваше благородие, грамоте обучен, – подтвердил рядовой.

– Хм, интересно, – хмыкнул Лёшка. – Ich hoffe du sprichst die Sprachen des Soldaten? (Надеюсь, вы и языками владеете, солдат? (нем.))

– Français et allemand, hélas, seulement au niveau conversationnel. Je peux lire les deux. J'écris sur eux très analphabètes. (Французским и немецким, увы, только на разговорном уровне. Читать могу на обоих. Пишу на них весьма безграмотно (фр.))

– Так, так, так, – смотрел с удивлением на солдата Лёшка. Что-то тут было не так. Чтобы с такой грамотностью и в простых рядовых ходить! Непонятно. Был здесь, похоже, какой-то подвох и с этим нужно было разбираться немедленно, до скорого выхода в дело.

– А ну-ка, давай мы сейчас с тобой отойдём подальше от всех, Гусев, и ты мне всё про себя там расскажешь, – предложил барабанщику Егоров. И когда между ними и егерями было уже шагов тридцать, резко развернулся к следующему сзади пехотинцу.

– А теперь выкладывай всё начистоту, кто ты есть, что с тобой за история такая? В общем, всё то, что я должен про тебя знать, прежде чем принять в свою особую команду. Должен сам понимать, что мы абы как каждого к себе не берём и должны быть уверены в том, кто с тобой рядом идёт, чтобы и самим уверенным в нём быть, что он не бросит тебя в трудную минуту, а всегда спину прикроет. Если этого не будет, то и команды тогда не станет вообще, в первом же поиске во вражеском тылу все порубленные там и останемся. Если не хочешь ничего рассказывать, так давай дуй в свой Муромский пехотный и стучи там и далее в барабан.

– Бей в барабаны, – поправил Гусев.

– Что? – не поняв, уставился на него Алексей.

– Виноват, ваше благородие, никак нет ничего, – вскинулся пехотинец.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.